

АЛЕКСЕЙ
Корепанов

НИГДЕ И
НИКОГДА

РАССКАЗЫ

Алексей Корепанов

Нигде и никогда

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Корепанов А. Я.

Нигде и никогда / А. Я. Корепанов — «Мультимедийное
издательство Стрельбицкого»,

В сборник включены около сотни фантастических рассказов, написанных в разное время. Космос и Земля, путешествия во времени и в параллельные миры, мистические истории и юморески, сюр и «фантастический реализм»... В общем, рассказы на любой вкус! А для любителей – еще и дюжина «фантастических» стихотворений.

© Корепанов А. Я.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Кое-что о дефиците	5
...И не было Земли	7
Прикосновение	12
Когда мнения совпадают	16
Двери закрываются	18
Зачем?	22
Дракон	25
Что и не снилось...	28
Навсегда	31
Встреча в лесу Броселианд	33
Летающая звезда	38
Тот, кто бродит в ночи	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Алексей Корепанов

Нигде и никогда

(Сборник фантастических рассказов и стихотворений)

Кое-что о дефиците

Когда я вошел в свою комнату, в кресле сидел Пришелец. Он был синеватого цвета и весь как-то переливался и мерцал.

– Привет, – сказал я.

– Здравствуйте, – отозвался Пришелец. Он говорил, не открывая рта. Телепатия, ясное дело. – Извините за вторжение.

– Ну что вы, о чем разговор!

Я сел напротив него, предложил закурить.

– Спасибо, не курю, – вежливо отказался Пришелец. – Берегу здоровье.

– Правильно делаете, – сказал я и закурил.

Пришелец порозовел.

– Ох, простите! – я торопливо потушил сигарету.

– Нет-нет, курите, пожалуйста, – Пришелец зашевелил одной из своих восьми конечностей. – Это нисколько мне не мешает.

Мы помолчали немного.

– Издалека к нам будете? – осведомился я наконец.

– Из Центра Галактики, – лаконично пояснил Пришелец.

– Ого! – изумился я. – Края неблизкие.

– Ну, сами понимаете, не на своих восьми. Через подпространство.

– Разумеется, разумеется, – закивал я. – И как там у вас в Центре?

– Плохо... – Пришелец позеленел и закрыл единственный глаз. – Я, собственно, потому вас и побеспокоил.

– Ну-ну, – я заворочался, устраиваясь поудобнее. – Чем могу быть полезен?

Пришелец открыл глаз.

– Видите ли, у нас нет ягодного сока.

– Как нет?! – поразился я. – Совсем?

– Совсем, – вздохнул Пришелец. – Раньше мы импортировали его с Флавии, но там недавно произошел военный переворот, и пришедшая к власти хунта закрыла границы.

– Ай-яй-яй! – посочувствовал я.

– А у меня сегодня собираются гости, – продолжал Пришелец. – По поводу моего повышения в должности. Естественно, я пригласил все начальство... Ну, а что за праздник без сока! Чем омыwać хобот? – Пришелец судорожно вцепился конечностями в кресло. – Вчера целый день бегал, искал. И представьте, нигде нет... Спасибо, подсказали, что здесь бывает. Далековато, конечно, с пересадками, но что поделаешь? – Пришелец интенсивно замерцал. – Мое счастье, что линию сюда провели, а то бы совсем беда.

Пришелец замолчал и взглянул на меня.

– Так в чем же дело?! – вскричал я. – У меня полным-полно этого ягодного сока. Идите на кухню и берите, сколько нужно.

– Правда? – обрадовался Пришелец. – Огромное вам спасибо!

Он вскочил с кресла и, свернувшись клубком, покатился к двери.

– В правом углу! – крикнул я вдогонку.

Вскоре Пришелец вернулся.

– Сок я уже отправил, – заявил он, останавливаясь у входа.

– Вот и отлично, – сказал я, вставая с кресла.

– Вы уж извините за беспокойство, – Пришелец пожелтел. – Сами, небось, знаете, какова напряженность полей... Выйти можно только в вашей комнате. Тем более, если учесть кризис гипертональности. Станцию-то эту планировали на пустыре, а вы здесь построили дом...

– Да что вы, не стоит извиняться. Вы меня несколько не обеспокоили.

Пришелец медленно посинел.

– Знаете что, – заявил он. – У нас чудесные мафики. Бесподобные. Будет время, забегите ко мне, на Орию, я вас отблагодарю. Гипертоннель выходит прямо у моего гнезда.

– Спасибо! – с чувством сказал я. – Непременно забегу.

– Ну, еще раз извините, мне пора. Надо успеть все приготовить.

– До свидания, – сказал я.

– До свидания.

Пришелец перестал мерцать, из синего сделался светло-серым, потом почти совершенно прозрачным – и исчез.

Я вышел из комнаты и пошел проверить свои запасы сигарет. Так и есть! Осталась всего одна пачка. Что ж, надо будет тоже сбегать кое-куда. Своего-то табачку не имеем... Вот и приходится посещать одну планетку через подпространство. Лишь бы Иван Петрович был дома...

Я пошарил щупальцем на полке, отыскивая теплые шапки для обеих голов, – на этой Земле довольно прохладно, не то, что у нас, – и застыл на месте, готовясь к переходу в подпространство.

1973

...И не было Земли

И не было никогда такой планеты с названием Земля, а были лишь клочки старых-пре-старых легенд, которые неизвестно кто и когда сочинил в припадке сомнительного вдохновения. И почему не ослабевает у людей тяга к выдумкам? Неужели действительность скучнее сказок? Ну почему кое-кто считает, что всем станет жить еще лучше и веселее, если люди уверуют, что их предки вышли в мир с этой фантастической Земли, как, скажем, первые куллиты из озера Та, если взять древнейшие куллитские предания, или праматерь эрпов с горы У-тило, откуда она якобы была изгнана богом Ноу за тунеядство, если обратиться к религиозным книгам эрпской культуры?

Сколько копий было переломано, сколько энергии израсходовано, сколько сорвано голосов в ходе жарких дискуссий по поводу этой Земли! «Была!» – доказывали одни, размахивая пустыми руками. «Не было!» – возражали другие. Руки их, между прочим, тоже были пусты. В этих раскаленных словесных баталиях отсутствовало самое главное – факты, а без них мели не мели языком – ничего не прибавится. Ну, как можно поверить в бредни о Земле – легендарной прародине всех существующих во Вселенной цивилизаций? Жизнь зародилась на сотнях планет, и не было среди них ни одной с названием Земля. Если принять тезис о планете-избраннице, прародительнице, то сразу возникает вопрос: позвольте, а в честь чего это избранница? Кто ее избирал? Тут же напрашивается предположение о некоем волевом акте, а подобное предположение ведет с твердой дороги науки прямехонько в болото религиозных предрассудков. Вот так.

В конце концов имеется уже печальный опыт подобных споров. Предания сохранили отголоски древних дискуссий по поводу существования некой Атлантиды. Где они теперь, эти споры, к чему они привели? Костры их угасли, не подкрепленные хворостом фактов. Так будет в итоге и с теперешними препирательствами о Земле.

В общем-то, его, Лета, гораздо больше интересует... Нет, даже не так! Он целиком захвачен любопытнейшей проблемой, послушайте: экономические отношения ксеров в период пальского оледенения. Так-то! А вопрос о Земле его совершенно не волнует, потому что вопрос этот надуман. Любой уважающий себя историк вступает в спор только вооруженный фактами, что и отличает его от простого болтуна. А вот Мизи, как ни грустно это констатировать, оказался именно из разряда последних. Он так яростно старался доказать недоказуемое и был настолько голословен, что у него, уравновешенного Лета, лопнуло терпение. Пришлось сказать раздраженно: «Послушай, Мизи, ты волен тратить свое время, как сочтешь нужным, даже на чепуху. Но зачем ты своей чепухой отнимаешь время у другого? С землеманами мне не по пути!»

Да, действительно, Мизи настолько вывел Лета из равновесия, что даже уединившись на этой планете, он вместо того, чтобы сразу же приступить к анализу памятников пальского периода, продолжал мысленно спорить с Мизи и ему подобными.

Увы, Мизи не одинок! Сколько историков растрачивают силы впустую и убивают время на бесплодные измышления, провозглашая: «На планете Электра самый большой материк носит название Новая Земля – значит, была и Старая Земля, или просто Земля, та самая искомая Земля!» А когда им резонно указываешь на то, что на планете Уро есть остров Рипикина-сатави, что в переводе с бьяя и значит «старая земля», а планета испокон веков зовется Уро и никак иначе, они начинают отчаянно мотать головами и кричать: «Нет, не то! Должна быть планета с названием Земля, должна!»

А почему, если разобраться, должна? Слово «земля» в едином мировом языке означает поверхность любой планеты, не покрытую водой, нефтью, соляной кислотой и так далее, так же как и море везде море, и горы тоже. Никто же не делает предположения, что когда-то и

где-то была или есть планета Гора, или Океан, или Пустыня. А вот Земля втемяшилась им в головы, и все потому, что кто-то когда-то где-то сказал: «Все мы родом с Земли. Запомните и передайте другим».

Кто сказал? Когда? Где? Это ли именно сказал? И вообще – сказал ли?

И хватит наконец! Он здесь не для того, чтобы мысленно продолжать беспредметный спор с Мизи. Есть дела намного важнее: работа с ксерскими документами, кропотливое изучение материалов раскопок, сравнительная характеристика экономики ксеров и бангов и многое-многое другое. Дел хватает, только поворачивайся!

Лет любовно оглядел контейнеры, аккуратными желтыми рядами возвышавшиеся у задней стены Камеры, и окончательно выбросил из головы все эти домыслы о мифической Земле.

– Эй, Помощники! – весело крикнул он, предвкушая увлекательную работу. – Разбирайте!

Маленькие разноцветные Помощники моментально выпрыгнули из стен и принялись деловито извлекать из контейнеров содержимое и раскладывать его на полу Камеры. Их суставчатые конечности бережно переносили и ставили хрупкие глиняные горшки, груды черепков, ворох древесной коры с нацарапанными письменами, полуистлевшие кожаные треугольнички монет и еще великое множество всякой всячины, оставшейся от некогда могучей, сумевшей пережить три оледенения, а потом обратившейся в прах под ударами более сильных врагов цивилизации ксеров с планеты Либей.

Лет тем временем попросил Камеру приготовить обед, разобраться с морем (то есть выяснить, можно ли в нем купаться) и посмотреть, не будет ли завтра дождя. Потом он открыл дверцу в стене и выпустил на волю стремительно взмывший к потолку коричневый мохнатый комочек, усыпанный блестящими точками хрусталиков.

– Привет, Ухоглаз!

– Здравствуй, Лет. Мы уже прибыли?

Лет уселся на торопливо сгустившийся воздух и хлопнул себя по коленям:

– Прибыли! И честное слово, планетка мне нравится. Смотри, Ухоглаз!

Он махнул рукой, и стена исчезла. Камера стояла посреди огромного песчаного пляжа, золотой дугой окаймлявшего бухту. Зеленые волны, разогнавшись от самого горизонта, с мерным гулом выскакивали на песок и отползали, оставляя пенную полосу. За пляжем густо зеленели невысокие горы, и над морем, пляжем и горами умиротворенно опрокинулось небо, свежее голубое небо и солнце – беззвучный крик горячего света, льющегося из голубизны. Желтое, зеленое и голубое – что может быть чудесней? Как раз то, что нужно для плодотворной работы.

– Нравится, Ухоглаз?

Хрусталики восторженно вспыхнули мелкими искорками.

– Ух, как красиво, Лет!

Лет закинул руки за голову и довольно рассмеялся:

– Еще бы! У меня просто нюх на такие местечки. Может быть, помнишь Эрру? Или Петию?

– Станный вопрос! – несколько обиженно сказал Ухоглаз. – Я помню все.

– Ну-ну, старина, не дуйся! – Лет сделал приглашающий жест, и мохнатый комочек, помедлив немного, опустился ему на плечо. – Знакомься: Форгесанта. Достоинства очевидны, недостатков пока не замечено. Согласен?

– Угу, – ответил Ухоглаз.

– Кроме всех этих достоинств, – Лет обвел рукой море и горы, – планета необитаема. Это, пожалуй, самое лучшее. А Связных я оставил дома, и помешать мне будет ой, как непросто!

Помощники разгрузили контейнеры и безмолвно застыли у стены.

– Все? Спасибо, ребята!

Лет с довольным видом проводил глазами юркнувших в стены Помощников и умиротворенно осмотрел свои богатства.

– Эх, Ухоглаз, и поработаем же!

– А откуда ты узнал об этой Форгесанте? – поинтересовался Ухоглаз. – Я сейчас основательно пошарил по всем закоулкам, но такой не припомнил.

– О, это целая история! – оживился Лет. – Сюда ведь не заглядывали со времен первых экспериментов с новой энергосистемой. Помнишь группу Роши? Сколько она звезд перевела ни за что ни про что!

– Еще бы не помнить! – фыркнул Ухоглаз. – Об этом все помнят.

– Так вот, – продолжал Лет, – эта красавица, что мирно сияет сейчас над нами, была опубликована в списке пущенных тогда на топливо для новой энергосистемы. А на самом-то деле Роши ее не тронул, хотя все с тех пор считали ее уничтоженной. – Лет торжествующе подбросил Ухоглаза под потолок. – Информатор ошибся всего на одну букву: сожгли не Соце, а Соци, может быть, слышал о такой?

– Соци, белый карлик, галактические координаты пятнадцать тире двадцать восемь по Шеридану, тридцать два ноль четыре с учетом искажения седьмого тоннеля третьего подконтинуума в новой сетке, девятнадцать... – забубнил Ухоглаз.

– Хватит, хватит! – замахал руками Лет. – Прости, Ухоглазик, больше не буду. Мне вчера сказал об этом Ларки, просто к слову пришлось в разговоре, и вот видишь – сегодня мы уже здесь. Ай, да Лет!

Он спрыгнул с воздуха-сиденья и возбужденно зашагал по Камере.

– Представляешь: тишина, море – что еще нужно ученому! Кстати, как насчет купания?

– Купаться можно, – ответила Камера.

– Вот и отлично! Слушай, Ухоглазик, я пойду поплаваю, а ты пока полетай, посмотри, послушай, как-никак ты – У-хо-глаз!

– Пока! – буркнул Ухоглаз, завертелся в воздухе волчком, так что хрусталики слились в несколько серебряных полос, проскочил сквозь стенку Камеры и тут же растаял в голубизне.

Лет нежно погладил шершавый бок глиняного сосуда, набрал целую пригоршню темных монет, побросал их на ладони, решительно ссыпал назад, в кучу, и помчался по горячему песку к пляшущим зеленым волнам. Волны приветливо шумели.

...Он вволю наплавался и нанярылся в теплой соленой воде и устало развалился на песке у самой кромки прибоя, так что волны дружески щекотали его босые подошвы. Камера надрылась, визгливо приглашая обедать, но он только вяло отмахивался, не имея сил оторваться от ужасно приятного, обжигающего кожу песка.

Наконец Камера не выдержала и послала к нему одного из Помощников. Помощник робко дотронулся до горячего плеча Лета и аккуратно поставил на песок поднос с тарелкой супа и биточками «отдых». Лет лениво приоткрыл один глаз, увидел пар, клубящийся над яствами, открыл второй глаз и расхохотался.

– Иди, скажи Камере, – еле выговорил он, задыхаясь от смеха, – что ей не мешало бы окунуться. Это ж додуматься надо, – изливал он свое веселье на оторопевшего Помощника, – в такую жару горячий суп! Ха-ха-ха! Умора!

Он вскочил, отряхивая прилипшие к телу песчинки, и закричал в сторону оранжевого купола:

– Холодненького! Слышишь, хо-лод-нень-ко-го!

Когда вернулся Ухоглаз, Лет блаженствовал. Он сидел по пояс в воде и медленными глотками вкушал ледяной молочный коктейль из трехлитрового кувшина.

– Изучение ксерской культуры движется небывало быстрыми темпами. На редкость быстрыми темами, – прокомментировал Ухоглаз, покачиваясь на волнах. – В самом деле, море – что еще нужно ученому!

– Уф-ф! – выдохнул Лет, управившись с коктейлем. – Я знакомлюсь с планетой.

– А-а! – насмешливо протянул Ухоглаз. – А я-то, наивный, думал, что это я знакомлюсь с планетой.

– Не придирайся, не придирайся, – расслабленно и благодушно ответил Лет. – Я знакомлюсь с планетой посредством твоих органов чувств. Ведь в конце концов ты не что иное, как мои искусственные и дополнительные глаза и уши.

– И твоя память, – выразительно добавил Ухоглаз.

– Ну, да, – подтвердил Лет и обрызгал Ухоглаза. – Ты вспомнил что-нибудь интересное?

– Да так, – равнодушно ответил Ухоглаз и нырнул.

– Что там? – любопытствовал Лет, когда мохнатый комочек вновь закачался на волнах.

– Смотри!

Ухоглаз тихонько загудел, исчез в коричневом облачке, а облачко превратилось в морское дно. Лет с интересом разглядывал пестрых рыб, неторопливо порхающих над зелено-серыми камнями, диковинных обитателей морского дна, ползающих по песку или застывших, распластав разноцветные отростки. Вода была пронизана солнечным светом, и бледные тени волн легкой рябью бежали по дну.

– Понятно, – сказал Лет.

Ухоглаз перестал гудеть, и морское дно исчезло.

– Между прочим, море называется Черным, – подчеркнуто небрежно сообщил Ухоглаз.

– О! – произнес Лет.

Он задумчиво поплескал водой в лицо, соображая. Потом с силой ударил ладонью по пробегающей волне, так что брызги фонтаном взлетели над головой, и радостно воскликнул:

– Карта, Ухоглаз?!

– Да, – с достоинством отвечивал тот.

Что только не коллекционируют люди! Не стоит говорить о марках, книгах и оловянных солдатиках. Не стоит говорить о монетах, медалях и метеоритах. Не стоит говорить о коробках из-под сигарет и обертках от детских сладостей, авторучках и значках, троллейбусных талонах и календариках. Бин с Аурии собирает древние космические корабли исчезнувших цивилизаций, которыми до сих пор битком забита Вселенная. Ролис с Фретрохо все готов отдать за какую-нибудь необыкновенную удочку. Сиди с Карны днем и ночью мечтает о пополнении обширной коллекции зубов урпанов, лурков, роксов, собак, губошлепов, сирен, драконов, пинаров и так далее. Собственный абсолютно здоровый зуб он и то не пожалел, благо тут же вырастил новый.

У Лета же свой предмет обожания. Ему не нужны космические корабли, марки и письменные принадлежности всех культур и эпох. Ему нужны географические карты. Вот за чем он охотится неустанно, вот что ему не надоедает разыскивать, выменивать и выпрашивать! Как это замечательно сказал какой-то древний, тоже, видать, заядлый коллекционер, кажется, Чапек: наш брат, мол, способен на воровство и даже на убийство ради пополнения коллекции новым экземпляром и это нисколько не чернит его, то бишь коллекционера, моральный облик. Сказано, конечно, с присущим древним максимализмом, но в некотором роде верно.

Да, старые географические карты всевозможных планет – коллекцией сродни коллекции Лета вряд ли может похвастаться еще кто-нибудь в галактическом мире. И память Ухоглаза хранит все эти карты. И утверждение его насчет Черного моря значит вот что: Ухоглаз сравнил вид Форгесанты с высоты и одну из карт, и установил идентичность того, что увидел внизу – и на карте. А это значит, что карта Форгесанты тоже имеется в коллекции Лета.

– Покажи, Ухоглазик! – нетерпеливо попросил Лет.

– Пожалуйста! Только это небольшой обрывок, сохранилось всего три моря и немного суши.

– Покажи! – взмолился Лет.

Ухоглаз опять загудел и превратился в обрывок старой-престарой карты, затрепанный по рваным краям и стершийся на сгибах. Коричневым цветом была обозначена суша, голубым – моря. Через поблекшую голубизну морей бежали буквы.

– Это же одна из ветвей роскожного языка! – воскликнул Лет. – Я, правда, в нем слабоват, – смущенно добавил он. – А ведь когда-то изучал на факультативе. Переведи, Ухоглазый!

– Это можно, – согласился невидимый Ухоглаз. – Диезное море. Черное море. Азов... мо... Тоже море, но какое – теперь не узнаешь.

– Неоригинально, – пробормотал Лет, разглядывая карту. – Я этих Черных морей знаю десятка два. На Бибиро, Осунду, Тари, – начал он загибать пальцы. – На Прозе, Оо... Кажется, на Ситибати, – неуверенно добавил он после некоторого раздумья.

– Угу, – подтвердил Ухоглаз. – А также на Зилии, Гесе, Птибунди, Роу-Тоу, Насте и так далее.

– А вот насчет Диезного... – Лет задумался. – Нет, не знаю.

– Не забывай, что на карте видна только часть моря, – сказал невидимый Ухоглаз. – Название может быть и длиннее.

– Возможно, – согласился Лет. – Неукрадиезное. Подождиезное. И так далее. Интересно, кто давал названия? Были здесь автохтоны или планету колонизовали?

– Трудно сказать...

– Ты что-нибудь нашел?

– Достаточное количество развалин. Судя по всему, очень старых. Но ведь так сразу не определишь, чьи это города: аборигенов или колонистов.

– Конечно. Копать надо, изучать культурные слои. Попробовать навести справки через Информаторий. Займутся этим когда-нибудь, только ох, не скоро: слишком уж много таких! Бросили и исчезли, а почему бросили и куда исчезли – остается только гадать. – Лет задумчиво погладил воду и решительно поднялся. – Ну, ладно! Пошли, пора и за дело.

Он кинул кувшин на песок, посадил появившегося вместо карты Ухоглаза на плечо и, волоча ноги, направился к Камере.

– Где же я раздобыл эту карту? – размышлял он вслух по дороге. – Не припомню, хоть убей! Хоть ты лопни... Хоть ты землю ешь...

Он внезапно остановился и звонко шлепнул себя по лбу:

– А! Сдается мне, что это подарок бродяги Сата!

– Совершенно верно, – подтвердил Ухоглаз. – Там на другой стороне есть надпись: «Королю коллекционеров от Сата на память о встрече на Лилисе».

– Так что же ты молчал? – возмутился Лет. – У меня чуть мозги не вскипели, а ты и рад!

– Хоть что-то ты должен делать сам? – заметил Ухоглаз.

...Поздно вечером, подводя первые итоги работы над ксерскими документами, Лет удовлетворенно растянулся в воздухе и попросил Камеру сыграть что-нибудь на сон грядущий. Так он лежал, слушая музыку, сливавшуюся с шумом волн Черного моря, и уже в полудреме вновь вспомнил разговор с Мизи. Недовольно дернул плечом и сонно усмехнулся. Ох, уж эти землеманы! Миллионы миров разбросаны по Вселенной, тысячи цивилизаций входят в галактическое содружество. Они носят разные имена, как и планеты, с которых они вышли в космос, но нигде и никогда не было мифической прародины людей, планеты-праматери с очень общим названием, планеты под названием Земля.

– Легенды, легенды... – пробормотал он, повернулся на бок и заснул.

1976

Прикосновение

Солнце скрылось за лесом, но светлая полоса дороги еще виднелась в наступивших сумерках. Дорога устало расталкивала поле и неторопливо втекала под сосны, чтобы где-то далеко-далеко, изогнувшись в сотне поворотов и переползя через десяток деревянных мостиков над лесными ручьями, выбраться к бетонному чуду автостреды. Там она замирала в изумлении, вслушиваясь в гул мчащихся неизвестно откуда и куда автомобилей, и ее теплая песчаная шкура, усыпанная хвоей и шишками, вдруг превращалась в холодный бетон, равнодушный к прикосновению колес.

Но все это было очень далеко, за лесом, а сюда не долетал рокот моторов. Он терялся среди сосен, глож в папоротниках, тонул в болотцах – и в поле под темнеющим небом было тихо. Длинные тела автомобилей со свистом стелились над бетоном там, за сотней поворотов и десятком мостиков, а здесь, на песке, еще не просохшем после короткого летнего дождя, четко отпечатались следы конских копыт.

Он присел, осторожно потрогал след. Песок послушно вдавился под пальцами, песок был шершавым и влажным, податливым и прохладным. Из такого песка можно было без труда соорудить башню на дороге, только – вот беда! – башня эта при солнечном свете потекла бы сыпучими струями к своему подножию.

Он бережно накрыл ладонью полукруглую гравюру, подаренную дорогой, выпрямился и медленно пошел дальше. Проплыл мимо сарай, в котором водились летучие мыши, и опять плотными упругими валами сдавили дорогу стебли пшеницы. Пшеница застыла в вечернем безветрии, но спокойствие ее было обманчивым: она просто ждала, когда совсем стемнеет, чтобы превратиться в море и выплеснуть к звездам жутковатый силуэт «Летучего голландца». И сосны прикидывались тихонями, шуршали, подражая камышам, а сами нетерпеливо тянулись к небу, мечтая ринуться вверх, подобно ракетам, как только погаснет бледная полоска на горизонте. И даже сарай был не прочь притвориться Таинственным островом, что укрылся где-то в безмятежных морских водах.

Он шел по уютной дороге, переброшенной через Вселенную, и улыбался чуть напряженно, и ждал. Он предчувствовал, что вот сейчас, сейчас!..

В лесу печально крикнула птица – и знакомая дрожь пробежала по телу. Она скакнула в сердце – и сердце провалилось на мгновение, затихло, а потом застучало еще быстрее; она ворвалась в голову – и тело стало почти невесомым, как бумажный змей. Казалось, вот-вот подхватит его теплый ветер и понесет над полями, выше, выше, сквозь темное небо, прочь от Земли, к звездам...

Но невидимая цепь приковала его к песчаной дороге с узорами конских копыт, обманчиво податливая, но прочная, как пружина. Который раз он пытается разорвать ее, и цепь поддается все больше и больше – и все равно продолжает удерживать, словно издеваясь, словно твердя о тщетности любых усилий. И кажется уже – пришел миг освобождения, и кажется уже – свершилось! – но чувствуешь вдруг, что цепь тут, на месте, как камень на шее, как клетка, мешающая расправить крылья и взлететь.

Слабость... Остается только обессиленно опуститься на дорогу. Он сдвинул голову руками. Сквозь удары крови в висках просочилось насмешливое шушуканье сосен.

Неудача. Опять неудача... Но ведь можно, он уверен, что можно, стоит лишь захотеть еще чуточку сильнее, стоит сделать еще один шаг.

Впервые... Над тихой набережной горели светляки фонарей, окутанные зеленым туманом листвы. Семнадцатилетний мальчишка лежал на склоне, утонув в тусклом золоте одувачиков, слушал плеск речных волн, глядел в небо.

Вы видели когда-нибудь звездное небо в городе? Звездный свет? Холодная голубизна фонарей, изогнувшихся над запрокинутым лицом. Вспышки неона, озаряющие улицы торопливым разноцветьем слов. «Храните... Пользуйтесь... Летайте... Звоните... Волна... Турист... Соки... Храните... Пользуйтесь...» Мигающие красные огни уходящих в ночь самолетов. Иногда, неизвестно откуда и почему – тревожные росчерки зеленых ракет, беззвучно падающих в зарево горизонта. Фонари, сияние окон и метание неона, огни и ракеты... а звезды?

Да – в глубоком колодце двора. Высоко над тополями в дальнем углу городского парка. На склоне у реки, оборвавшей размеренную поступь фонарей по асфальту.

Недоступные... И разве станут они ближе даже в век звездолетов? Совсем другие масштабы. Что значили раньше сто восемь минут? Неторопливый путь вдоль реки или через лес от селения до селения. Теперь – виток вокруг планеты, превратившейся из плоскости в школьный глобус. А дальше, к Марсу, Юпитеру, ближайшим звездам? Эти минуты затеряются, растворятся в бесконечной круговой скачке стрелок по циферблату. Тысяча раз по сто восемь, и еще тысяча, и еще...

Совсем другие масштабы. И человеческая жизнь так коротка для космических просторов...

И пусть до гигантских размеров разрастутся башни космических кораблей, пусть все больше мощи будет скрыто под их сверхпрочными корпусами, но все-таки даже до ближайшей звезды – три года и назад – три года, а на Земле – пятнадцать лет... А ведь это только соседка, первая пригородная станция на пути в Большой Космос. Выходит, впереди красные огни семафора? Три года ради встречи с такой же пустотой у бесплодной звезды... Огромные, неописываемые расстояния – и короткая человеческая жизнь, и не спасают никакие сверхскорости, и на дорожке космического стадиона световой луч всегда будет обгонять самый быстрый корабль.

Одиноки и бессильны перед космосом... Да с теми ли мерками подходим мы к совсем другим расстояниям? Земля огромна, если шагать по ней, поменьше под копытами коня, еще меньше под колесами автомашин и совсем маленькая, когда мчишься над ней в самолете или космическом корабле. Значит, нужно как можно быстрее двигаться в пространстве, и далекое станет близким? Но ведь космос – не Земля. И почему обязательно – «*в пространстве*»?

Древние греки, гениальные дети человечества, считали космос живым существом. Живой космос... Но человек – его частица, и не обязан ли он знать, что происходит в любом уголке космического тела без громоздких и могучих и в то же время таких бессильных и хрупких коробок звездолетов, ползущих сквозь пустоту? Что если человеку нужно только научиться использовать свои еще не раскрытые способности – и он сможет мгновенно добираться до звезд?

Да, такие вот мысли когда-то пришли в голову мальчишке, оставшемуся один на один со звездами в тихом уголке большого города. И что-то тогда изменилось в мире, где медленно текла река, поймавшая звездные отражения. Окутались дымкой и расплылись многоэтажные здания на другом берегу, и порывом ветра ворвалась в тело дрожь и пьянящая невесомость. Только цепь держала еще крепко, а звезды вдруг притворились голубыми фонарями, испугавшись веселья гитар на скамейках набережной.

Мальчишка ушел в неоновую пляску – «Храните... Пользуйтесь... Звоните...» – но способность на мгновение прикоснуться к зыбкой мечте не пропала навсегда, а притаилась в нем до поры...

...До северного поселка с деревянными тротуарами и огромными темными избами, разлегшегося на холмах над быстрой холодной рекой. Река день и ночь волокла на спине вереницу бревен, и на поворотах течение прибывало сучковатые туши к берегу. Иногда вдоль реки, осторожно ступая по каменистому дну, проходили люди с баграми и сталкивали неуклюжие бревна назад, в мелкую неприветливую волну. У причалов лепились баржи, мужики в выцветших рубашках таскали ящики и мешки к грузовикам, шагая вразвалку по шатким трапам. В пес-

чаной ложбине громоздились бетонные плиты и томился под солнцем подъемный кран. А за ним, совсем уже далеко от реки, лежал на боку буксир, вывалив черно-рыжее облезлое днище к подножию холма, изрытого гусеницами тракторов. За поселком шла большая стройка.

Тогда, в тот вечер, только что укатил последний самосвал. Сбросил из кузова на деревянный настил жидкую, еще теплую бетонную кашу и полез на холм, подпрыгивая на ухабах. Красные звездочки стоп-сигналов погасли, потом еле заметными искрами возникли на следующем холме, словно шли там двое, куря папиросы.

В свете прожектора они быстро залили бетон в опалубку и разлеглись на телогрейках прямо тут же, на строительных лесах. Руки отдыхали от вибраторов, прожектор погас – и наступила темная тишина. Настоящая тишина, без шума далеких поездов, нечаянных автомобильных гудков, пыхтения речных буксиров. Настоящая тишина, потому что вокруг на десятки километров стояли леса, по реке лишь изредка и только днем ходили водометные суда – по течению быстро, а против течения не очень – и где-то ближе к верховьям до сих пор возвышался над водой огромный камень с плоской верхушкой, на котором, говорили,пил чай сам великий царь Петр.

Он спустился почти к самой воде и опять, как когда-то, лег на склоне. Только на этом склоне, у этой реки, не было одуванчиков, а росла жесткая темно-зеленая трава, и в маленькой песчаной ямке, заботливо прикрытой куском фанеры, прятался родничок с прозрачной и очень холодной водой.

Здесь звезды были чище и ярче, и как-то ближе... Их не могли вспугнуть ни громкие голоса, ни надрыв электрогитар с танцплощадки, ни вопли пожарных машин. Здесь были только он и звезды. Неслышно трепетал живой космос, и опять что-то неуловимо быстро изменилось в мире. Тело тянулось вверх, стремясь коснуться звездной пыли, раствориться в тишине, которая превратилась в тишину космических глубин, шорох леса слился с летящими по Вселенной голосами далеких миров – и он чуть не заплакал от досады, когда оказалось, что цепь не пропала.

И все же уверенность в том, что он сможет, пусть не сейчас, но все равно сможет, еще больше окрепла в нем.

А потом был третий, и четвертый, и пятый раз, и он продолжал верить.

...Неудача. Опять неудача. Он поднялся и побрел по дороге со следами конских копыт назад, к сараю, в котором жили летучие мыши. Потом свернул к соснам и сел на нейтральной земле между полем и лесом, где среди сухой хвои росли невидимые в темноте васильки.

Если прищуриться – от каждой звезды побежит тонкий лучик.

Он прищурился, и серебристые нити протянулись между его лицом и небом, и звезды внезапно повлекли его к себе. Мир привычно изменился, превратившись в свое слегка расплывчатое отражение, сместились и задрожали контуры сосен, а звездная паутина опутывала все крепче и крепче. Повинуясь ее натяжению, он встал и застыл, приготовившись к самому необычному.

И – свершилось! Не было даже удивления, слишком часто и отчетливо представлял он себе этот миг. Он не чувствовал уже под ногами земли и словно поднимался все выше и выше по тонкой, но очень прочной нити, пронзал пространство, тек по невидимому руслу в черные дали.

Как, оказывается, просто! Надо было давным-давно догадаться прищурить глаза, чтобы звезды повлекли его к себе. Как просто!

Куда исчез земной вечер? Он видел мир словно сквозь тончайшие красные лепестки, трепетавшие перед глазами, мягко касаясь лица. Вот оно – неземное... За лепестками он, прищурившись, рассмотрел призрачное море бледно-красных цветов, паривших в зеленоватой неяркости чужого неба. Вокруг, то здесь, то там вспыхивали багровые шары; они появлялись и исчезали, разбегались кругами, менялись как узоры в калейдоскопе...

Он не удержался, широко раскрыл глаза, хотя почему-то знал, что этого делать нельзя – и бледно-красная долина внезапно потускнела, съежилась и начала растворяться в возникшем словно ниоткуда мраке. Он торопливо нагнулся и сорвал бледно-красный цветок, и пальцы его сжались так, что никакая сила не могла бы вырвать из них тонкий стебель.

И все. Исчезла сказочная долина, глаза закрылись, и к векам прикоснулся сначала мимолетных холод черных пустот, а потом теплый воздух, пропитанный запахом хвои.

– Что ты здесь делаешь?

Он вздрогнул и открыл глаза. И разглядел в темноте бледный овал знакомого девичьего лица.

– Так... Гуляю...

Он стоял и прислушивался к шороху звезд.

– Что с тобой?

Он медленно поднял лицо к небу.

– Я только что был среди звезд...

Девушка затаила дыхание.

– Я был где-то там. Там цветы. Много цветов... До самого горизонта. Смотри...

Он поднес к ее лицу руку с неземным цветком, и девушка, подавшись вперед, вгляделась в то, что сжимали его пальцы.

– Да это же просто василек! – чуть разочарованно воскликнула она.

Потом посмотрела на него, вновь перевела взгляд на его раскрытую ладонь – и надолго замолчала...

1976

Когда мнения совпадают

- Что бы это могло быть?
 - Понятия не имею! Торопился домой и вот вижу – лежит в песке.
 - Ну да, я сразу заметил, что ты здесь что-то озадаченно разглядываешь.
 - Тут призадумался! Материал твердый, гладкий, прозрачный... Отверстие с одного конца, для чего?
 - Так-так-так... О, обтекаемая форма!
 - Ты хочешь сказать...
 - Да, средство передвижения! Не наше, конечно. Оттуда, сверху. Там давление намного ниже, как ты знаешь. Разведчик – а это, конечно, был разведчик – забрался внутрь, отверстие закрыли, и запустили. Обзор отличный, ведь стенки прозрачные...
 - А как бы он вернулся назад?
 - Н-ну, не знаю, наверное, у них есть способ. Но ничего не вышло. Видимо, крышку сорвало, и он погиб... Надо поискать поблизости, может, найдем крышку... и тело.
 - ...Уф-ф, устал! Брось, бесполезное дело. Мы же все обшарили.
 - Наверное, катастрофа случилась еще на пути к нам, и тело снесло. А аппарат упал сюда.
 - Интересно, кем они будут нам: друзьями или врагами? Они же не оставят попыток добраться сюда, раз уж начали.
 - Мыслящие существа всегда найдут общий язык, так я считаю. А сотрудничество ведь разумнее войны, согласен?
 - Конечно. Что ж, надо сообщить о находке и браться за ее изучение.
 - Тогда – в город!
- Две юркие рыбки заработали хвостами и быстро поплыли над песчаным дном, светясь в темноте.

* * *

- Что бы это могло быть?
- Кто его знает! Собирал грибы, пошел через поле и вот вижу – лежит на пашне.
- Так я тоже эту штуковину аж с дороги увидел! Гляжу, ты стоишь, в затылке чешешь, ну, я трактор бросил и сюда. Да-а, метра четыре в длину будет...
- Откуда она взялась-то вроде понятно: материал твердый, гладкий, форма обтекаемая... Гляди, как в землю зарылась!
- Думаешь, спутник?
- А что же еще? Только вот... Никаких следов, что пер сквозь атмосферу. Гладенький, как жеребенок. И материал непонятный.
- Не наш спутник?
- То-то и оно! И не их...
- Тогда...
- Во-во! Заметь: одно отверстие, а внутри пусто, я смотрел. Ни двигателей, ни аппаратуры... Есть у нас такие спутники? Нет!
- Разведчик! Долго ждали...
- Значит, правы ученые, да и я всегда же говорил: не может такого быть, чтоб никого, кроме нас, во всем мире. Ерунда получается: звезд тьма-тьмушая, а мы одни! Давай не будем ничего трогать, на трактор и в правление. Пусть сообщат куда надо.

– Вот радости-то будет! Братья по разуму, ну, совсем как Казанцев по телевизору говорил...

Два человека побежали через вспаханное поле к трактору.

* * *

– Что бы это могло быть?

– Да ясно что! Космический корабль, только не наш.

– Конечно, не наш. Размеры впечатляющие...

– Материал неизвестный, одно отверстие, а внутри пусто.

– Кто-то все растащил?

– Да нет, я смотрел. Стенки внутри абсолютно гладкие, никаких повреждений. Сдается мне, что он таким и был.

– Траекторию рассчитал?

– Да. Скоро должен упасть прямо на звезду. А пришел, если и был без двигателей, от созвездия Трех Цветов.

– А точнее нельзя было?

– Сам рассчитай!

– А что! Мне это как присоской шевельнуть! Так... Так... Хм! Точнее не получается. Ладно, в конце концов на то есть Счетчики.

– Что-то он мне напоминает, а что – не пойму...

– Ну, гадать не будем. Давай, берись! Отбуксируем его прямо в Совет, пусть там разбираются.

– Насколько я могу судить, эта игрушка где-нибудь на уровне нашей эпохи Пятого открытия.

– Не торопись с выводами! Ты ведь не знаешь, что ее движет. Может, какой-нибудь неизвестный нам вид энергии.

– А цель, как думаешь?

– Может, разведчик. А может, потерялся... Да мало ли что может случиться в космосе! Ну, потащили!

Два клепа ухватились присосками за гладкую поверхность неизвестного предмета и, набирая скорость, помчались сквозь пустоту, пронизанную ослепительным светом звезды.

* * *

... Не слышал разговора двух рыб Иван Васильевич Рыжиков, что плыл по туристической путевке в Австралию и от нечего делать бросил за борт океанского лайнера пустую молочную бутылку.

Не слышал разговора двух людей клеп Бир, что гулял в окрестностях Солнечной системы с подругой Тиви и уронил нечаянно пустую бутылку из-под лвана.

Не слышал разговора двух клепов ронг О, что спешил домой со спортивного матча в туманности Андромеды и в расстройстве от поражения любимой команды швырнул по направлению к центру нашей Галактики пустую бутылку из-под верса...

1976

Двери закрываются

Поднял воротник повыше, сунул подбородок в шарф, чуть мокрый от снега, спрятал руки в карманы – и так уютно сидеть, привалившись плечом к полузамерзшему трамвайному окну, и глаза закрываются сами собой, и приятно от мысли, что ехать еще долго. А звонкий голос привычно объявляет остановки, и звучит традиционное: «Осторожно, двери закрываются», – и, бросив лениво взгляд в окно, видишь то замерзшие коробки домов, то неприступные заводские заборы, а то – заскребут по стеклу черные ветки деревьев.

Разгон – остановка, промерзло хлопают трамвайные двери, кто-то входит, а кто-то выходит, холодом тянет по ногам – и вновь разгон. Стоп – светофор. Трамвай подрагивает от нетерпения, тихо разговаривают за спиной, смеются на задней площадке, шуршат газетой – и опять с легким гулом бежит трамвай вперед, привычно и усердно катится по знакомому маршруту.

Разгон – остановка. Разгон – остановка. Разгон... Кто-то сел рядом. Я подвинулся, уступая место, потеснее прижался к стеклу с подтаявшими льдинками. И вдруг стало так холодно, будто на ходу выскочил из трамвая и угодил в сугроб.

Стоит закрыть глаза, глубже спрятаться в пальто, отвернуться – и все исчезнет. А холод змеится по телу, и онемели пальцы сжатых в карманах рук, и ноги словно провалились в безжалостно ледяную прорубь. И можно даже не поворачиваться, потому что знаешь: это не ошибка.

Исчезли коробки домов за окном, не царапают по стеклу голые ветки. Посыпал мелкий снег – и ничего не разглядеть. Сплошная белизна, и непонятно: едешь или давно стоишь на месте?...

– Здравствуй.

Наверное, это правда, что звуки не исчезают. Затухая, они мчат над планетой, и если когда-нибудь будет создан удивительный чуткий прибор, мы сможем услышать, о чем говорили у походных костров свирепые воины хромого Тимура, и что на самом деле сказал перед смертью Галилей, и как воспринял Ньютон упавшее яблоко. Неужели я вдруг обрел способность слышать звуки из прошлого?

«Здравствуй». Это слово говорил знакомый голос давным-давно, в совсем другом мире. И вот оно долетело до меня из странного, неяркого прошлого.

Что такое наше прошлое? Ряд отдельных картин, череда лиц, тени ощущений. Что-то блекнет, что-то постепенно, с течением времени, предстает по-иному, потому что меняемся мы. И в итоге события, происходившие когда-то, становятся чуточку субъективными, преломляясь в сознании, в призме нашей памяти.

Все мы, живущие, – глубокие колодцы, в которых покоится прошлое. При помощи чудесной способности, дарованной нам от рождения, мы можем хранить прошлое в себе и бережно передавать его потомкам. Человек стал хозяином мира более всего не потому, что имеет руки и мыслит, а потому, что одарен способностью помнить. Отними у человека прошлое – и он исчезнет как личность.

Мы помним многое – и это иногда губит нас. Мы помним многое – и хорошее, и плохое – и забыть что-либо не в наших силах. Мы можем просто затолкнуть воспоминание на самое дно своей души, но забыть – никогда.

И вот это «здравствуй». И прошлое слилось с настоящим.

Светлые волосы под пушистой шапкой. Бледная замерзшая щека, воротник в снегу. Она сидит рядом со мной, трамвай чуть покачивается, за стеклом сумятица снежинок.

Она поворачивает голову. Печальные глаза, печальная улыбка.

– Здравствуй.

– Здравствуй, – отвечаю я, и ноги, наконец, выбрались из проруби, и пальцы в карманах вновь обрели способность сгибаться и разгибаться. Я принял ее как реальность – и снова стал самим собой.

Если очень не хочешь верить в происшедшее – можно заставить себя принять его за сон, что пригрезился на рассвете, когда обливаешься потом под жаркой толщей одеяла и вдруг с облегчением просыпаешься... И сон исчезает. Остается бледный рассвет за окном, и шорох дождя, и колышутся первые зеленые листья. Вновь заснешь, успокоенный, и никогда больше не вспомнишь, что приснилось тебе в то мокрое утро.

А я очень хотел забыть.

И вот она рядом. Сидит, полуобернувшись ко мне, улыбается печально, а трамвай окутан снежной пеленой, и все еще не понять – движемся мы или стоим на месте.

Она молчит, неторопливо поправляет прядь волос и глядит куда-то за мое плечо, в слепое трамвайное окно. А я не могу больше сказать ни слова.

И колодец стал гейзером. Забурлили, заплескались через край воспоминания. Вновь ожили тщательно спрятанные на дне души образы, череда предметов, тени ощущений, и понеслись, понеслись за трамвайным окном, вырываясь из летящего снега.

Картина, выплывающая ниоткуда и уплывающая в никуда полустертым пятном, потускневшим от времени: за окнами вечер, беззвучно кривляются под июльским небом вспышки реклам и, кажется, идет мелкий дождь...

Да, он шел, потому что мокрый асфальт тротуара тоже вспыхивал разными цветами, подыгрывая обезумевшему неону, и это было красиво. Да, он шел, потому что двое за окном, молча глядевшие друг на друга, укрывались под огромным пестрым зонтом. А я сидел за столиком по другую сторону окна, возле кадки с чахлой пальмой – очень ненадежной преграды от грохочущей музыки – и мне было грустно. Смеялись, громко говорили, танцевали, выкрикивали в микрофоны слова о любви, и те двое стояли под дождем и все теснее обволакивались жаркой паутиной взглядов... А мне было грустно.

И каждый представит себе это по-разному, каждый на свой лад – и не так, как это БЫЛО, как это видел я. Вот в чем тут загвоздка. Слова бессильны. Ими можно только описать, но не ПЕРЕДАТЬ. Все мы слишком разные...

И та, которая села за мой столик, отгороженный пальмой... Что я могу сказать о ней? Каждый может представить ее по-своему. Только не такой, какой она была на самом деле.

А музыка все играла, и мы пили вино, и танцевали, и говорили о чем-то. Может быть, о погоде, а может, о поэзии Блока...

А потом дождь перестал. Мягко светился асфальт под голубыми фонарями, мимо нас проезжали усталые троллейбусы, мерцающей синевой отливали окна домов – там сидели у телевизоров, – а мы шли под деревьями, единственные в пустом городе, и даже – вот глупости-то, наверное! – я немного пронес ее на руках.

И был вечер... День первый.

...Дверь дома, наконец, закрылась. В темном окне – бледное пятно. Лицо, прижавшееся к стеклу. До свидания...

Да, все нечетко, неярко, без деталей. Всего несколько линий. Присмотритесь повнимательней – если повезет, они, быть может, превратятся в узоры марсианских каналов. И выплывет лицо Аэлиты, и появятся образы. Жаль, что у каждого – свои...

...И был день. Второй.

Если поднять голову из высокой травы – увидишь озеро, зеленые сабли осоки, деревья. Но никак не оторваться от земли, потому что на щеке чужая ладонь. Нет, не чужая... И мысли какие-то дикие, и разговор странный, почти бессвязный, мучительно закрутившийся вокруг одного, как веревка на горле. Уехать. Куда? Все равно. Уехать. Вдвоем.

Почему – «мучительно»? Э-эх, современные трагедии! Куда делся былой эпический размах? Все просто до смешного, да только смеяться что-то не хочется...

Вот так всегда. Лениво ползем по кругу на карусели жизни, и опостылел этот круг, и хочется вырваться – да нельзя. Привязаны. И вдруг присмотришься – а узлы-то ослабли! Спрыгнешь сторяча, постоишь, озираясь, – все незнакомое, чужое, неуютное – и поскорее назад, на карусель, на свое привычное, ну до того же, оказывается, удобное и славное место.

Потому и день третий. Последний. Так уж повелось: третий – всегда последний.

И когда в третий раз спросила красна девица: «Пойдешь ли со мной, оставишь ли жену, малых детушек?» – помрачнел добрый молодец. Склонил буйну голову, вздохнул так, что листья с деревьев посыпались, и молвил в ответ, потупив очи: «Прости, не пойду с тобой, вернусь к своим детушкам». Пригорюнилась красна девица, ничего не сказала в ответ – и растаяла.

Вот так. День последний понятен?

Над головой дощатый потолок. В окошко дачи втекает серый утренний свет. Ее глаза чуть припухли от слез. Сидит на стареньком диване, курит, резко отбрасывая светлую челку со лба. Разговор уже кончен. Думали – Волга, и потечет, потечет широко и спокойно за тысячи километров, а оказалось – речка, что все тоныше и тоныше – и вот только пунктиром на карте – и теряется в песках, испаряясь под солнцем.

Встали. Шагнули в открытую дверь, в серенькое утро. Ключ под порог – и ушла. А я остался стоять. Долго брела по длинному изгибу шоссе, не поднимая головы. Пылили автобусы, угарно, с хрипом дышали самосвалы – а она шла и шла, да так и скрылась, словно растворилась в утренней серости. Растаяла. Навсегда.

Что было, того не вернешь. Не воскреснет прошлое, не откинутся крышки гробов, не возникнут вновь дорогие нам лица. Не вернется любимая полянка детства, березовая роща, крутой спуск к пшеничному полю.

Как-то сошел с электрички на пригородной станции, расспросил, как пройти, и нашел-таки дорогу. И вот она вокруг меня – березовая роща детства. Совсем не та. И березы пониже, и обрыв вовсе не крутой, и старые окопы заросли травой. Не вернешь звонких голосов, огромных грибов, не вернешь себя, пятилетнего...

Не вернешь прошлое. И не поправишь.

Да и что изменилось бы, даже если окликнуть ее тогда, догнать? Ничего. Потому что три богини со странными именами уже готовы были разорвать нить. Потому что все уже было предопределено еще более ранним прошлым. Выручить могло только одно – устранение причины. Устранение первой встречи под чахлой пальмой. А разве это в силах человеческих?...

...И лишь через много-много дней я узнал, что ее нет больше среди нас, живых. Нетипичная, совершенно несвойственная нашему веку история. Ведь из-за этого сейчас не принято уходить. А она ушла. Слишком много снотворного.

Исчезла из-за меня...

Была поздняя осень. Я долго ходил по берегу озера, все искал то место, где мы были когда-то. Осока пожелтела, деревья-скелеты растопырили голые ветви. Дул холодный ветер, шуршала промерзлая трава, грязь буграми застыла в колеях проселочной дороги. Я нашел то место, сел на поседевшую от инея траву и долго смотрел на озеро и деревья. А что мне еще оставалось делать?

...За окном по-прежнему суетливо мечутся снежинки. Плыдем сквозь зиму. Смотрит через мое плечо, улыбается печально. И опять нет слов для разговора, потому что разговор уже был и остался в далеком прошлом. «Не оставлю своих детушек», – сказал добрый молодец.

Она смотрит на меня, легонько кивает, и в глазах все те же слезы. Встала, медленно прошла к выходу – и трамвайные двери открылись. Растворилась в царстве миллионов снежинок.

«Осторожно, двери закрываются!»

– Не закрывайте!

Бросился к дверям, выпрыгнул на снег, в хрупкую вечернюю тишину проспекта. Пронзительно чистый воздух, холодные звезды над глыбами домов – и никакой пляски разыгравшихся снежинок...

«Скрип... Скрип...» – спешат прохожие. Не те, совсем не те. И только один стоит, изумленно смотрит на меня, дрожит у губ огонек сигареты. Никого. Пусто.

Молодой, лет двадцати, поднял руку к сигарете, да так и застыл, словно кому-то позирует.

– Трамвай... Трамвай... Ниоткуда...

Бормочет, смотрит на меня, огонек прыгает у губ.

– Пусто было аж до поворота... И вдруг – ниоткуда...

– А кто вышел?!

Кричу, будто заблудился в лесу и замерзаю, и жду ответного крика как спасения.

– Ниоткуда...

– Кто?!

– Вы...

– Кто «мы»?!

– Вы... Один...

– А передо мной?

Наконец-то упала сигарета. Покатилась в снег и глядит оттуда ехидным огненным глазком.

Повернулся и пошел, бормоча под нос. Оглянулся – и раздраженно:

– Никто! Только ты и вышел.

Пусто на проспекте. Ни машин, ни трамваев. Холодно блестят под фонарями замерзшие рельсы.

Двери закрываются. Никого. Никого...

1978

Зачем?

Он не мог бы с уверенностью сказать, с каких пор стал видеть *такие* сны. Может быть, потому, что никогда не смотрел на улице по сторонам, стараясь отыскать приснившиеся ему лица. Он начал догадываться, что сны его не простые, а словно запорхнувшие из не наступившего еще завтрашнего дня, только когда чуть не налетел в парке на вышедшего из-за скрытого кустарником поворота высокого слепого мужчину в темных очках, которого вела огромная овчарка. Он стоял, глядя вслед печально прошедшей паре, припоминал, где мог видеть их раньше, и вдруг отчетливо осознал, что слепой и собака – воплощение его сна. После этого случая он стал более внимательно относиться к своим снам и вскоре с удивлением и некоторым страхом обнаружил, что ежедневно сталкивается с теми, кто приснился ему ночью.

Снилось ему, как и всякому человеку, много всякой всячины, которая обычно забывается наутро. Но были во всей этой кутерьме различных событий и персонажей фрагменты, которые не стирались, а застывали в сознании четким негативом, немедленно проявлявшимся при столкновении со своим двойником в реальном мире. Постепенно он научился отбирать при пробуждении эти неведомо как проникавшие в него кусочки будущего и мог безошибочно сказать, какой из приснившихся ему образов в течение дня воплотится в жизнь.

Их было много, этих людей, которых он никогда не видел раньше и которые появлялись перед ним, вынырнув из толпы, стоило только ему увидеть их во сне. Сгорбленная старуха в черном платке... Белобрысый мальчуган с потрепанным портфелем... Седой мужчина... Девушка в зеленом платье... Снились ему и знакомые, которых он неизменно встречал на следующий день. Однажды ему приснились негры, и наутро он еще издалека с удовлетворением увидел их, садившихся в ярко-красный автобус около гостиницы. Страх перед этими снами постепенно проходил, он уже с любопытством и нетерпением ожидал очередной встречи и даже, случалось, разговаривая по телефону с приятелем, как бы невзначай ронял: «Ну ладно, сегодня еще встретимся», – и, конечно, встречался.

Была даже кое-какая выгода в этих снах. Если, к примеру, снился знакомый, встреча с которым была совсем ни к чему, он старательно вглядывался в прохожих и успевал вовремя нырнуть в двери магазина или заторопиться к троллейбусной остановке. И все-таки выгоды было маловато. Почти совсем не было. Никак он не мог использовать неизбежную встречу с тем же белобрысым мальчуганом или толстой теткой с распухшими от обилия продуктов сумками в руках. В молодости он увлекался рисованием, даже ходил в художественную школу, и ему пришла как-то в голову мысль нарисовать утром приснившееся лицо, а потом, при встрече, показать портрет тому, с кого он был нарисован. Однако он сразу отбросил эту идею, потому что она была несовместима с его возрастом, отдавала мальчишеством.

Он даже написал письмо в редакцию научно-популярного журнала с просьбой рассказать, какими данными о подобных снах располагает современная наука и как она вообще к такому сну относится. Ответ пришел довольно быстро. Суть отпечатанных на фирменном бланке нескольких строк сводилась к тому, что современная наука относится к подобным снам отрицательно. И подпись: сотрудник такой-то. Он не мог скрыть ехидной усмешки, но больше тревожить редакцию не стал. Роль подопытного кролика, увешанного датчиками, его совсем не привлекала. Не по годам ему было это занятие.

И все-таки один эксперимент он провел. Он решил просидеть все воскресенье дома, не открывать на звонки и посмотреть, что из этого получится.

Ничего не получилось. Воскресным утром он проснулся поздно, постарался вспомнить сон, и обнаружил, что вспомнить ничего не может. Решив не сдаваться, он продолжил эксперимент в следующее воскресенье. На этот раз он с трудом припомнил обрывки сна – какие-то

дома, деревья... Но люди в его сне отсутствовали. Загадочный механизм, спрятанный в непознанных глубинах его существа, работал безотказно.

Лишь один раз этот механизм как будто бы дал сбой. В ту ночь ему приснился друг детства, погибший давным-давно у него на глазах серой осенью сорок первого, когда их рота отступала лесами вдоль берега Волги.

Утром он отправился на работу, и волнение его все возрастало. А волновался он потому, что друг ему приснился не молодым, восемнадцатилетним, а пожилым, седым, как и он сам.

На работе он дважды ошибся при подсчетах, чего с ним прежде никогда не случалось. Наконец отложил брякнувшие косточками счеты, в сердцах хлопнул дверцей стола и до конца рабочего дня просидел без дела.

Домой он сразу не пошел, а до темноты пробродил по улицам, с надеждой вглядываясь в лица. Отыскивая среди них то, изборожденное морщинами, бесконечно далекое, молодым уплывшее в небытие под мокрыми соснами у волжской воды. Сердце сжалось, заколотилось неровно, с перебоями. Вот оно – это лицо.

Потом сидели у него дома. Он – и напротив, по другую сторону стола, Пашка, давно похороненный и оплаканный друг, и как хорошо, что завтра выходной и можно хоть до утра по крупинке перебирать год за годом, извлекая из памяти дорогие обоим воспоминания.

Выжил Пашка. Оглушила немецкая пуля, наткнувшись на излете на каску, раздробила кость, но не убила. Не для него, видать, была предназначена. Отлежался, очнулся ночью под осенним дождем, не зная еще, что рота отступила, и сырой сосновый лес стал немецким тылом. Полз всю ночь по скользкому мху, натыкался на деревья, терял сознание. Под утро выполз к унылому кладбищу, приткнувшись в лесочке за околицей полусожженной деревни. Скатился, обессиленный, в приготовленную для кого-то могилу, перележал день, мучаясь от тупой боли в голове, а ночью одолел бесконечное поле – и опять в лес. Часто слышал неподалеку чужую лающую речь, треск мотоциклов, тяжелую поступь танков, но верил, что выползет к своим. И выбрался-таки на третьи сутки, а потом долго валялся в госпитале из-за того кусочка свинца, что приготовил для него фриц, да просчитался. Там же, на койке, узнал, что нет больше его роты, что почти вся она полегла на берегах матушки-Волги. Потом, конечно, воевал, встретил Победу в Берлине, хотя та пуля нет-нет да и напоминала о себе долгими головными болями. Демобилизовался, женился, вырастил двух сыновей, и вот приехал навестить старшего.

Разговор лился без конца и края, лишь раз прервался, когда Пашка, Павел Иванович, звонил сыну, предупреждал, чтобы не волновались за него. К утру все же годы и усталость дали о себе знать. Решили ложиться спать, и тут-то он вспомнил, благодаря чему встретил друга.

– А я ведь знал, что увижусь с тобой сегодня, Паша!

– Да что ты, Николай, откуда?

И рассказал он старому другу о своих снах. Долго молчал Павел Иванович, ерошил седые волосы, вертел в руках чашку. Видел Николай Петрович, что не совсем верит тот его словам.

– Хочешь, расскажу завтра, кого видел во сне, и даже портретик нарисую? Побродишь денек со мной – и увидишь персонажа, так сказать, моего сновидения...

Согласился Павел Иванович, хоть и хмыкнул недоверчиво.

– Знаешь, Коля, ненаучно как-то это получается. Выходит, что видишь ты будущее, а как же ты можешь его видеть, если оно еще не наступило? Нет его еще – а значит, и знать мы о нем не можем. К врачу бы тебе обратиться, Коля...

Промолчал Николай Петрович, пошел готовить постели. Вернулся в комнату, тронул Павла Ивановича за плечо:

– Меня другое волнует, Паша, Зачем все это? С какой целью? Для чего руки-ноги – понятно. Почему я думаю – тоже вроде ясно. Человек же я, а не растение... Но *это* зачем? Тебя чтобы встретить? Так для чего тогда все эти бабки, продавцы в магазинах, просто прохожие, которых я знать никогда не знал и никогда не узнаю, хоть и встречаю? Вот в чем загвоздка...

– Мда-а... – протянул задумчиво Павел Иванович.

Долго ворочался с боку на бок Николай Петрович, все никак не мог заснуть. Загремели первые, бодрые с утра трамваи, а он лежал, с тревогой прислушиваясь к боли в груди. Наконец заснул, и сразу увидел незнакомое девичье лицо, мелькнувшее на мгновение и исчезнувшее. А потом приснилось ему что-то страшное, и он проснулся, отбросил давившее одеяло, встал. Друг Паша спокойно спал на диване, похрапывал. Он подошел к столу, сел, морщась, потирая грудь, все старался вспомнить, что же такое страшное разбудило его.

И вспомнил. Темнота. Мелькнуло девичье лицо и исчезло – и навалилась темнота, лишенная всяких образов. Глухая темнота, пугающая, безжизненная.

Взял он лист бумаги, карандаш, и нарисовал это незнакомое молодое лицо, как и обещал другу Паше. Получилось как будто бы похоже, только никак не вспоминалась прическа – мешало что-то, словно волосы были закрыты платком или шляпкой, фасон которой ускользнул из памяти.

Посидел он немного у стола, раздумывая, куда же поведет сегодня Пашу, – и боль в груди немного отпустила. Снова лег, уткнувшись лицом в остывшую подушку, и заснул, зная, что *такие* сны дважды за ночь не снятся.

* * *

...Санитары, уже не заботясь об осторожности, понесли вниз по лестнице носилки с чем-то тяжелым, покрытым белой простыней, а врач задержалась в комнате. Укладывала свои так и не понадобившиеся шприцы, успокаивала взлохмаченного плачущего Павла Ивановича:

– Поверьте, мы все равно ничем не смогли бы помочь.

Подошла к столу, поправляя белую шапочку. Молоденькая – наверное, недавно из института.

– Ой, а откуда здесь мой портрет?

1978

Дракон

Дракон полз по холодной осенней жиже мимо одинаковых домов. Дома с любопытством разглядывали его десятками светящихся окон. Дорога была разбита колесами самосвалов, недавний дождь разбросал по ней мутные пятна луж – и новый микрорайон оказался островом, отделенным от ближайшей троллейбусной остановки океаном грязи.

За домами раскинулись желтые поля, пока еще независимые, но город тянулся уже и туда, выслав разведчиками многочисленные вагончики строителей. Подобные нелепым чудовищам подъемные краны вздымались в темное небо, и яркие фонари на их длинных стрелах освещали недостроенные белые стены, оранжевые переплеты оконных рам, провалы на месте будущих дверей. Дракон с опаской поглядывал на неподвижных гигантов, пригибая ушастую голову к самой дороге, так что грязь скользкими комками забивалась в его трепещущие чуткие ноздри.

Он приполз на окраину города из-за желтых мокрых полей, с трудом выбравшись из пещеры в овраге. Дракон был очень стар и долгие годы не покидал своего логова. Он лежал в полусне у сырых стен пещеры, иногда вздрагивал от гула пролетающих самолетов и встревоженно шевелил слабыми крыльями, которые больше не могли поднять его в воздух.

Он не знал, сколько времени прошло с тех пор, как в последний раз он поднимался над степью. Тогда летний ветер нес его вперед, крылья грозно шумели, рассекая воздух, в стеклянные глаза било солнце, и огромная тень легко скакала по земле через холмики и овраги все ближе и ближе к шестиугольнику крепости. Крепость стояла на холме, опоясанном рвом с водой. Вниз по склону от ее стен сбегали маленькие белые домики, улочки ныряли в зеленые облака садов и обрывались у вертлявой неширокой речушки. А дальше, до самого горизонта, до далекого моря, расстилалась покрытая высокими травами степь. Он сделал круг над крепостью – и его розовые уши, похожие на две огромные морские раковины, тут же уловили волны страха, расплескавшиеся в воздухе от бегущих в разные стороны маленьких двуногих существ. Существа прятались в домиках, падали в траву под деревьями, закрывая головы хрупкими конечностями, и дракон довольно урчал, неторопливо кружась над ними в туче песка, пыли и сорванных листьев. Его выпуклые изумрудные глаза выбирали жертву, шершавый язык трепетал, уже почти ощущая сладкий вкус мяса и крови. Он вытянул когтистые лапы, собираясь ринуться вниз, на дорогу, где застыло испуганное существо, – и в этот момент горло его пронзила острая боль. Дракон заревел, и от страшного рева пригнулись к земле деревья и солома полетела с крыш.

Существо кричало и извивалось, пытаясь вырваться из его когтей, а он тяжело летел назад, к пещере, и от боли небо и солнце казались ему черными. Он не заметил всадников, мчавшихся в клубах пыли по степи, – и опять заревел от укуса в крыло. Подобно урагану, устремился дракон к земле, и всадники рассыпались, бросились назад, в ужасе пригнувшись к шеем коней.

Крыло и горло нестерпимо болели, но он все-таки добрался до пещеры и, грозно шипя, вполз под черные своды. Злобно ударив крылом о стену, он сломал засевшую в нем стрелу, но боль не прошла. Он разорвал добычу когтями, но не смог проглотить ни куска – вторая стрела застряла поперек горла...

Ему неизвестно было, что поразили его отравленные стрелы.

С тех пор дракон больше не мог летать. Когда муки голода становились нестерпимыми, он выползал в степь и пытался ловить маленьких юрких зверьков. Но удача приходила к нему редко, потому что бесполезные крылья волочились по земле, делая его неуклюжим и беспомощным. Дракон жадно пил речную воду, на время обманывая желудок, но слабел все больше и больше. От слабости он засыпал, и спал почти не пробуждаясь, потому что во сне притуплялся голод и чуть утихала боль. Это был даже не сон, а тяжелая дремота, соединявшая в бесконеч-

ную однообразную цепь лето и осень, зиму и весну. Когда приходила весна, дракон просыпался, потому что пещера наполнялась талой водой. Иногда вода приносила безвкусные трупики степных зверьков, и он без всякого желания пожирал их, страшно мыча от не проходящей боли в горле. Болезненное мычание разносилось по размокшей степи, и люди десятой дорогой обходили и объезжали одинокую пещеру в овраге, испуганно крестясь и погоняя лошадей.

Сны уносили дракона в те времена, когда он мог целый день без усталости мчаться над землей, ловя чуткими раковинами ушей волны страха. Был он тогда молод и могуч, и без труда добирался к закату до широкой реки. На ее высоком берегу стоял белый город, взметнувшийся в небо колокольни соборов. Золотые кресты мягко сияли в закатных лучах, и далеко над водой плыл гулкий колокольный звон. Дракон тучей обрушивался на город, хватал добычу, жадно рвал ее на части прямо в воздухе и, насытившись, неторопливо летел назад, к своему логову, бесшумно скользя по черному небу. Иногда внизу мелькали огни костров, и дракон огибал их стороной, потому что вид огня был неприятен ему.

Потом, с годами, дракону стало все тяжелее добираться до белого города, но в степи появилось много селений, где тоже можно было пожить. Ему нравилось, сложив крылья, падать на конские табуны и стада коров, нравилось, когда добыча сопротивлялась, а не обмякала беспомощно в когтях, умерев от страха. Бывало и так, что, возвращаясь в пещеру, уже насытившийся, он пролетал над каким-нибудь селением, лениво кружил над ним, а потом летел дальше, и волны страха, мчащиеся от земли, заставляли сладостной дрожью трепетать его чешуйчатое тело.

И все это перечеркнули отравленные стрелы, заговоренные колдуном. Синее небо и весело бегущая к горизонту степь сменились сырым мраком пещеры.

Однажды дракона разбудила гулкая дрожь земли. С потолка и стен падали куски мокрой глины. Он лежал в темноте и прислушивался, встревоженно разевая зубастую пасть. Настала ночь – и земля успокоилась, но потом начала содрогаться опять, и дракон оживился, забил по стенам хвостом. Возможно, такая дрожь сулила добычу. Пусть не свежее мясо и теплую кровь, а падаль, но выбирать не приходилось.

Дракону уже случалось вдоволь отведать падали. Было это давным-давно, когда над оврагом весь день ржали кони, с топотом мечась по полю, кричали воины и звенела, звенела сталь. Он притих в своей пещере, потому что не ощущал волн страха, но знакомый запах крови заставил его насторожиться. К вечеру, когда стихли топот и крики, и резкий звон клинков не разносился больше в воздухе, он выполз из пещеры и насытился еще не остывшим мясом. Он ползал по полю, шипя от возбуждения, глаза его горели в лунном свете. Твердое брюхо царапали копья и стрелы, разбросанные в истоптанной траве, но он не отрывался от пиршества, то и дело косясь на далекие костры.

Такие трапезы выпадали не часто, и он ждал их годами, тревожно раздувая ноздри в болезненном сне.

От страшного грохота дрожала земля, стены пещеры качались, камни падали на спину дракона, больно били по лапам, тревожили раненое крыло. Грохот врывался в пещеру, отдаваясь болью в чутких ушах. Пронзительный вой вдруг упал сверху, проникая сквозь толщу земли, волна горячего воздуха прижала к стене огромное тело дракона. Треск, грохот, страшный шум не утихали, казалось, вечно. Дракон лежал, распластавшись, вдавленный в землю камнями, и чувство голода впервые уступило место чувству страха. Дракон втягивал ноздрями горячий воздух, пропитанный незнакомыми пугающими запахами, и мычал. Но его когда-то наводящего ужас мычания совсем не было слышно в грохоте канонады.

Лишь через несколько дней, когда грохот ушел за горизонт, и перестала дрожать земля, дракон осторожно выполз из пропахшей гарью пещеры. Степь была обуглена и изрыта глубокими ямами, повсюду неподвижно стояли странные черные звери с большой головой и длинным узким носом с утолщением на конце. От зверей резко тянуло огнем и еще чем-то едким,

страшным, и дракон заскреб лапами, готовясь к бою. Но звери оставались неподвижными. Дракон осторожно пополз мимо уродливых безглазых тел. Трупы тоже пропитались едким запахом, и дракон долго не решался притронуться к ним, шумно принюхивался, беспокойно шевелил хвостом, но потом голод все-таки преодолел осторожность.

Он обессилел от давно забытого ощущения сытости и не смог добраться до своей пещеры – так и пролежал всю ночь в окружении невиданных молчащих зверей. Лапы его с дрожью впились во всклокоченную землю, потому что темнота вдалеке то и дело озарялась вспышками света, совсем не похожего на мягкое сияние золотых крестов белого города над широкой рекой.

А когда утреннее солнце отразилось в глазах дракона, прямо из сияющего солнечного диска с ревом вылетел диковинный крылатый зверь. Он несся по небу со страшной быстротой, хотя крылья его были неподвижны. Дракон заревел, пытаясь оторваться от земли, чтобы грудью встретить врага, но привычно зануло и бессильно обвисло крыло. А зверь с рокотом скользнул в синеве и пропал вдали, не желая принимать боя.

И опять потекли годы, заполненные привычным сном. Прошлое стерлось, почти не оставив следов, но память о том, что дрожь земли предвещает поживу, осталась.

И однажды земля начала содрогаться вновь. Вечером он решился ползти туда, где днем раздавался грохот. Покинул пещеру и двинулся в путь через поле. Свет далеких окон был неприятен дракону, но чувство голода заставляло его медленно двигаться к домам.

И не мог он, конечно, знать, что это город вел наступление на древнюю степь, ежедневно и неустанно забивая сваи для новых зданий – новых частей своего постоянно растущего тела.

Дракон полз по осенней жиже, и свет фонарей, укрепленных на башенных кранах, сиял в его глазах. Он нетерпеливо шевелил ушами, но не было в городе страха. А если не было страха – не оставалось надежды на добычу.

На балконах домов стояли люди, говорили, смеялись, курили – и никому не было дела до старого дракона, с опаской ползущего по дороге, разбитой колесами самосвалов.

И только маленький мальчик, разглядев внизу дракона – узкую ушастую голову, чешуйчатую спину, огромный хвост и тяжелые крылья, – восторженно крикнул:

– Мама, смотри! Настоящий дракон ползет!

Женщина вышла на балкон, поправляя пушистые волосы, всмотрелась в улицу. В лужах сверкали осколки лунного света.

– Какой дракон, сынок? Опять трейлер на стройку что-то везет.

Женщина махнула рукой в сторону громоздившейся на недалеком холме железобетонной коробки и вернулась в комнату.

Мальчик перегнулся через перила, повторил разочарованно:

– Трейлер...

И задумчиво подпер рукой щеку, провожая взглядом мощную машину, с ревом ползущую в гору.

А парень, шагавший с троллейбусной остановки, отошел на обочину, пропуская ревущую громадину, ослепившую его светом фар. Посмотрел на забрызганные грязью брюки и погрозил кулаком шоферу...

1978

Что и не снилось...

«...Господи! Почему именно я стал избранником твоим, почему именно мои глаза ты открыл, чтобы мог я видеть то, что неведомо никому, кроме тебя, Господи? Есть ведь другие, более достойные дара твоего, тяжкого бремени, которое возложил ты на плечи мои...

Господи, прости дерзкие слова мои, отврати гнев свой от недостойного раба твоего! Смиряюсь, Господи, покоряюсь воле твоей, ибо кто есть я? Пылинка жалкая, ветром гонимая, песчинка малая на берегу, лепесток в быстром потоке, и не мне судить о деяниях твоих, Господи, не мне пытаться узнать помыслы твои, разгадать намерения твои...

Принимаю этот дар, Господи, принимаю тяжкое бремя умения видеть то, что скрыто от других до поры. Может быть, ты пожелал испытать стойкость мою, проверить крепость веры моей, силу и терпение мое? Отвернулись от меня соплеменники мои, и одиноким я стал среди людей, но не дрогнула вера моя, а укрепилась еще более...»

– Стоп, – сказал один из них, выключая аппарат. – Откуда у них монотеизм? Чье тут могло быть влияние?

– Подожди, – перебил другой. – Давай пока без выводов. Дальше!

«Господи, ничтожен я, раб твой, и не смог сразу разгадать дара твоего. Глаза мои уже видели то, что скрыто от других, а жалкий разум мой еще не мог понять открывшееся глазам. Утром видел я Лото-Олу, окруженного бледным пламенем, и словно исходило пламя из ушей и ноздрей его, и у рук и ног его извивались змеи огненные, подобные нежным лепесткам ночного цветка ча. И стоял Лото-Ола у хижины своей, сжимая копье, и от губ его змеился огонь, и никто, кроме меня, не видел этого огня. И прислонилась к его плечу стройная Куму-Ру, и не чувствовала огня, и надела на шею ему ожерелье из красных камней. И ушел Лото-Ола, и другие с ним, за добычей, ибо кончились с восходом солнца священные праздники Кадам.

Стоял я у хижины, и дрожали ноги мои, и заполз ужас в душу мою, и гадал я, что значит явившееся мне странное видение. И вошел я в храм твой, Господи, и вознес молитвы тебе, чтобы направил ты разум мой на истинный путь и дал понять, что значит ужасное видение.

И не вернулся с добычей Лото-Ола, а принесли на плечах тело его сильное, завернутое в листья папарикса. Упорхнула душа его птицей Зен в темные воды Мертвой Реки, потому что смертелен был укус змеи, затаившейся на пути охотников.

Рыдала стройная Куму-Ру, рвала черные волосы свои, и рыдали подруги ее, над телом Лото-Олы склонившись. И рыдала юная Рее-Ену, и охватило ее пламя струящееся, пламя бледное, видимое только моим глазам...

Трижды опускалось солнце, и трижды поднималось, и не вышла из хижины юная Рее-Ену, и вздулась шея ее нежная, посинела шея ее от смертельного яда страшного паука хо – и пробудился ото сна разум мой, Господи! Понял я, ничтожный, какой печальный дар послал ты мне, и смирился с судьбой своей...»

– Ну вот, местный Сведенборг.

– Сведенборг?

– Да. Тот ясновидец, что точно описал пожар в Стокгольме, находясь в другом городе. Восемнадцатый век, кажется. Только Сведенборг видел сквозь пространство, а он, – последовал кивок в сторону груды полуистлевших лохмотьев и чего-то еще в углу подземелья, – претендует на ясновидение сквозь время.

– Он уже ни на что не претендует. А в фантазии ему не откажешь.

– Насчет фантазий... Ладно, слушаем. Аппарат дает неплохой перевод.

– Откуда у них письменность? Судя по всему, изоляция полнейшая, непроходимая сельва со всех сторон. Кто их научил?

– Давай вопросы оставим до завтра. Вернется вертолет, придут наши корифеи, вот тогда и обсудим.

«И печальны стали дни мои, Господи! Опускалось солнце и поднималось, и менялся в небе звездный узор, и приходил день, когда видел я бледное пламя над кем-нибудь из соплеменников моих. По утрам говорил я об этом с порога храма твоего, Господи, и улетала потом еще одна душа птицей Зен в темные воды Мертвой Реки...»

Одинок стал я, Господи, среди соплеменников моих, и закрывали они лица, лишь завидев меня, и уходили, чтобы не слышать меня, и несли мне плоды, и мясо, и рыбу, и сок дерева банлу в храм твой, Господи, и просили не выходить из храма твоего и не печалить их мрачными предсказаниями, что сбываются в роковой час.

Уединился я в подземелье под жертвенной чашей, но не было мне покоя. Видел я во мраке образы соплеменников моих, проплывающие медленной чередой, и лилось бледное пламя от дряхлой Тава-Гаа, и узнавал я потом, выйдя в селение, что сожжено уже тело ее, и лилось бледное пламя от Мону-Уна – и никто больше не видел охотника, ушедшего в чашу.

Но настал день, Господи, когда не смог я молчать и воззвал с порога храма твоего к соплеменникам моим, чтобы услышали они меня и покинули селение, на которое задумал ты обрушить гнев свой. Послал ты мне видение, Господи, и было страшно это видение. Бушевал в небе яростный огонь, огонь гнева твоего, Господи, и лился на хижины, деревья и кусты. Полыхал тот безжалостный карающий огонь ярче солнца, и умирало все живое в день, когда прогневался ты, Господи, и великий твой гнев превращал мир в мертвую золу...»

– Ого! Да это чуть ли не библейское! День гнева – день сей, день скорби и тесноты... Огнем будет пожрана вся эта земля... Книга Софонии. Поразительное единство образов!

– Жрец неизвестного племени где-то достал Библию? Или кто-то поблизости распевал «Dies irae»¹? Или это совпадение? В общем, преподнесем подарочек нашим знатокам.

«И вняли соплеменники моему предсказанию, и было горе великое и отчаяние. Потом начали они вязать плоты и к закату уплыли по реке, чтобы за ночь добраться до порогов, и опустело селение. И одиноким остался я, Господи, в храме твоём, и просил сжалиться над соплеменниками моими и провести плоты через пороги ревущие, и уберечь от твоего неистового огня...»

Солнце светило над опустевшим селением, и вышел я на порог храма твоего, и пал с неба огонь, и горели деревья, и исчезла трава, и белый дым стоял над рекой. Сорвался с неба неслышанный грохот, гневный голос твой, Господи, страшный голос, грозящий тем, кто мало чтит тебя, Господи, кто забыл дорогу к храму твоему, кто молился ложным богам...»

– Понятно. Можно считать, что время создания рукописи нам известно. Без анализатора.

– Гибель «Рейнджера»?

– Безусловно. Тысяча против одного, здесь именно про эту катастрофу.

– Думаешь, он действительно предвидел?

– Технология обычная: сначала происходят события, а постфактум создается книга, и автор попадает в разряд ясновидцев. Здесь приличная глубина, взрыв атомолета произошел довольно далеко отсюда, так что он вполне мог уцелеть, если вовремя спрятался. Кстати, очень даже возможно, он умер от облучения.

– Завтра проверим. Значит, никакого ясновидения?

– Разумеется. Ты что, сомневаешься?

– Да как сказать...

«Страшен был гнев твой, Господи, и не осмелился я больше выходить из храма твоего, и в моем подземелье веду беседу с тобой. Скоро упорхнет душа моя птицей Зен в темные воды

¹ «Dies irae» – песнопение в католическом богослужении. (Dies irae, dies illa solvet saeculum in favilla. День гнева, день сей обратит мир в пепел.)

Мертвой Реки, но будет жить слово мое к тебе в этих священных знаках. И те, что придут после меня, уверуют в величие твое, в могущество твое, и вновь наполнят жертвенную чашу к умилению твоему.

И молился тебе я, Господи, в пристанище моем, и было видение мне, видение странное, останавливающее кровь в жилах, и душа моя содрогалась, как птица Зен в когтях ночного страшилища Йих. Видел я двух зеленых, как трава, двух гладкокожих, с горбатыми спинами, двух круглоголовых, рогатых. Явились два зеленых в темноте, таращили холодные глаза, словно из-под родниковой воды, и дрожали рога их тонкие, шевелились спины горбатые. И змеилось от них пламя, и струился огонь по зеленым рукам и ногам.

Знаю, Господи, послал ты чудищ невиданных, чтобы испытать стойкость мою, но не страшны мне чудища в пламени бледном, смерть горбатым пророчащем. Верю в тебя, Господи, ведь не покинешь ты меня, пылинку жалкую, ветром гонимую, песчинку малую на берегу, лепесток в быстром потоке...»

– Чудеса! – немного растерянно сказал один из них.

Они стояли и смотрели друг на друга, освещенные закрепленным на стене электрическим фонарем, входящим в комплект снаряжения каждого участника экспедиции. Оба в гладких зеленых скафандрах, защищающих от довольно высокого еще уровня радиации в этом глухом уголке сельвы, с заплечными баллонами, наполненными дыхательной смесью, в круглых шлемах с тонкими шпагами антенн.

– Куда там Сведенборгу, – с еле заметной тревогой произнес другой, поглядывая на лохмотья в углу. – Это ведь он нам смерть пророчит. – Он нервно рассмеялся.

Автомат-переводчик молчал, в наушниках слышался шорох. Фонарь с трудом рассеивал мрак.

– Мистика какая-то! Откуда он знал?...

Тишина, безжизненная тишина расплзлась по подземелью. Темнели в углу лохмотья.

– Ладно, давай выбираться отсюда. Скоро ночь, а мы еще палатку не ставили. И вещи хоть немного разберем.

– Пошли, – неуверенно согласился другой. – Завтра обмозгуем вместе с корифеями.

Он аккуратно собрал высохшие листья какого-то растения, испещренные черными значками.

– Завтра разберемся...

Освещая путь фонарем, они направились к крутым ступеням, ведущим из подземелья на поверхность, под своды полуразрушенного храма неизвестного бога. Они не успели дойти до ступеней, потому что каменный потолок вдруг обрушился и похоронил их рядом с останками того, кто умер здесь раньше. А раздавленные ломкие листья превратились в белую пыль.

1978

Навсегда

Темнота, темнота... Сжала ночь в душных лапах весь мир, и ничего не видно в ночи. Ночь полна шорохов и тихих вздохов. Со стоном летит над землей жаркий ветер, заглушает сдавленный шепот, прерывистый шепот, текущий в ночи.

Темнота, темнота... Идут в темноте невидимые, шуршат по земле, уходят все дальше и дальше в никуда вслед за жарким ветром. Шуршат, шуршат – слабее, слабее, тише...

Нет, не шуршат шаги, не идет никто – просто вздыхает непроглядная темнота, одинокая, бесполезная. Лежит тяжелая темнота на земле, ворочается неуклюже и вздыхает, вздыхает, вздыхает...

А впрочем, ничего особенного – обыкновенная безлунная ночь. И духота. Давно не было дождя.

Шепот, шепот... Прерывистый, неуверенный. Кто-то шепчет в темноте, задыхается под душной толщей, зовет кого-то. Безнадежно, отчаянно, словно боится раствориться в черной безбрежности, затеряться, исчезнуть навсегда...

– Слушай... Слушай... Слушай...

Тишина. И вновь стонет ветер.

– Слушай... Слушай...

Ничего не видно в ночи. И звезд нет на небе, и неба не видно, и земли.

– Слушай... Слушай... Утро... Утро придет...

Стонет, стонет жаркий ветер. Вздыхает, колышется черная тишина. И звезд нет на небе.

И вдруг – в ответ:

– Да... Да... Утро... Утро придет...

Колыхнулась тишина, шевельнулись душные лапы. И шепот громче, торопливей:

– Утро... Будет утро... Слышишь? Побежим босиком, босиком побежим по траве! С холма, через луг...

– Да... Да! Через луг, к реке, взявшись за руки...

Торопливый горячий шепот в темноте, сквозь стон ветра. Быстрее, быстрее... Безлунная ночь, и звезд нет на небе.

– Взявшись за руки, побежим и с разбегу бросимся в воду...

– Будем плавать и смеяться, слышишь? Будем плавать, пока не устанем...

Торопятся, перебивают друг друга, будоражат душную ночь.

– Ляжем на теплом песке у самой воды и будем смотреть в небо...

– Будем смотреть в небо, и ласточки...

– Да... Да... И ласточки будут летать, а над лесом...

– А над лесом поднимется солнце...

– Мы встанем и встретим его, взявшись за руки... Слышишь?

– Взявшись за руки, встретим солнце и будем рвать цветы на лугу...

Шепот, шепот... Радостный шепот в душной ночи, быстрый шепот сквозь жалобы ветра, и звезд нет на небе. Шуршит, вздыхает тяжелая темнота, слушает шепот.

– Много цветов, много цветов соберем на лугу, влажных от росы... Слышишь?

– Да... Да... Слушай... Медленно пойдем вверх по склону холма, медленно, взявшись за руки...

– Отнесем цветы на вершину холма и оставим в дар солнцу...

– Оставим цветы в дар солнцу...

Душно, душно ночью. Давно не было дождя.

– И пойдем бродить по лесу...

– Да... Да... Мы будем идти, взявшись за руки...

– И целоваться... Слышишь?

– Целоваться...

– Утро... Утро придет...

– Скоро... Слышишь?

– Да...

Чуть заметно редет темнота, и все тише, тише шепот... Словно уходят невидимые, шуршат по земле, и теряют друг друга в душной ночи.

– Слушай... Слушай...

Темнота. Ветер стонет.

– Слушай...

Все светлее, светлее вокруг. Облегченно вздыхает ночь, послушно тает в трепете расвета. Рассвет идет, неуверенный, бледный, течет над землей мертвой водой, серой волной катится с неба.

Тишина, тишина... Серое небо, без звезд, низкое небо, не небо – оболочка из туч, застывших над тихой землей. Стонет ветер над миром, и под стон этот наливаются тучи багровостью – встает над землей невидимое солнце.

И багровый отсвет тяжело падает на землю, на гладкую остекленевшую землю, и багровой становится бесконечная пустыня. Мертвая, мертвая пустыня.

Тишина. Несется ветер под багровыми тучами, над багровой землей, огибает безжизненный шар, и зачем-то стремится вперед и вперед, и плачет, и плачет, и плачет...

Стоят два обломка среди пустыни, два странных обломка, и тихо, неслышно шепчут, и впадают в дневную спячку.

– Слушай... Слушай... Слу...

Стоят два обломка в мертвой пустыне, пустыне атомной, тихой и страшной, и будут шептать по ночам о мире, что исчез навсегда, навсегда...

Навсегда.

1979

Встреча в лесу Броселианд

Семь дней и семь ночей прошло после Троицы, и лежал теперь путь назад, в старый замок Эскладоса Рыжего, что побежден был Рыцарем со львом в честном бою. Семь дней и семь ночей мечи звенели, семь дней и семь ночей кони храпели в Камелоте славном, городе Артуровом, семь дней и семь ночей над столами поднимались кубки тяжелые с вином добрым, и лица красавиц улыбками озарялись в свете факельном, и королева Геньева платком белым махала. Махала платком государыня Геньева, приветствуя достойнейших из достойных, сильнейших из сильных, отважнейших из отважных. Семь дней и семь ночей веселье шло и турниры рыцарские при дворе короля Артура, и лежал теперь путь назад, долгий путь сквозь угрюмый лес, лес Броселианд, что тенью тяжелой пал на королевство Артурово.

Дик и мрачен лес Броселиандский, и долог путь в чаще его. Могучие сосны небеса подпирают, высокий кустарник стеною встает неприступной, из зарослей папоротника вздохи доносятся тихие. Доносятся вздохи и шепот слабый, зовущий нехристи лесной, иглы шиповника ранят коней, в гуще боярышника огни мигают бледные – то души усопших маются, ждут не дождутся Судного дня. Торопят день Судный души усопших, с телами соединиться хотят, с телами тех, кто погребен под ковром мшистым, кого упокоил навеки угрюмый лес, лес дикий, лес Броселианд.

Угрюм лес, безлюден. Крикнет птица в глуши лесной, рев быка дикого из чащи донесется – и вновь тишина, как на дне омута глубокого. Тишина зловещая, зачарованная. Вьется под соснами тропа узкая, маячат вдаль, за деревьями, поляны изумрудные, и ведать не ведомо, что там дальше, за поворотом, какая нечисть прячется в глубине жуткой, кто глазами светит, в чаще затаившись...

Едут два рыцаря по тропе узкой, извилистой. Медленно, след в след, кони ступают. Блеснет изредка солнечный луч на глади доспехов – и исчезнет, словно испугавшись чего-то. Едут два рыцаря сквозь лес Броселиандский угрюмый, через семь дней и семь ночей после Троицы. Неторопливо, настороженно кони ступают, чутко слушают шорохи лесные. Едут два рыцаря, подняв забрала шлемов искусно сработанных, а руки на мечях лежат, а копыта у седла, и хоть забрала и подняты – в глазах тревога, готовность к бою в глазах рыцарей. Загадочен и дик лес Броселиандский, и всего можно ждать в нем: змеев огненных, карликов безобразных, дев прекрасных, что в миг единый в драконов превращаются, замков заколдованных, что встают внезапно в глуши лесной и рушатся с грохотом, в чрево матери-земли проваливаются, когда не выдержит она чар сил нечистых, нехристей страшных, уродливых.

Едут мессир Ивэйн и мессир Говен по тропе лесной, двое рыцарей отважных, побеждавших не раз в честном бою и змеев огненных, и великанов свирепых. Едет храбрый мессир Ивэйн, славный сын Уриена, короля земли Горр, страны смерти, едет храбрый мессир Говен, славный сын Лота Оркнейского, сводный брат короля Артура. Едут сквозь лес рыцари молодые, отважные, всматриваются настороженно в полумрак чащобы лесной, в полумрак злой, угрюмый, что таит опасности неведанные. Лежит путь рыцарей храбрых из Камелота славного в замок Эскладоса Рыжего, что побежден был мессиром Ивэйном в честном бою. Лежит путь к Лодине златовласой, голубоглазой, к Лодине, красавице белокожей, что была женой Эскладоса могучего и что стала женой Рыцаря со львом, Ивэйна отважного, женой стала по воле доброй, а не по принуждению.

Храпят кони в полумраке лесном, ушами прядут добрые кони, чего-то пугаются. На мечях лежат руки рыцарей храбрых. Не раз были рыцари в сражениях страшных, не раз насмерть бились с великанами чудовищными, броды охранявшими, не раз с помощью Господа чары снимали с замков заклятых, заколдованных, но не по себе рыцарям храбрым, но мерещатся им чудища жуткие в лесу диком, глухом, в лесу Броселианд.

И заговорить бы рыцарям, тревогу рассеять, только ни один первым говорить не решается, чтобы в страшном пороке не заподозрили его – в трусости. Уходят назад поляны пустынные, быками дикими истоптанные, шумят мрачно сосны в вышине, и молчат рыцари храбрые, мечи к бою приготавив. Кто скажет, где тот перекресток в глуши лесной, на котором дева стоит дивная, обнаженная, рыдающая, о помощи взывающая, руки к небу воздев. Нет, не дева это, а дракон огненный, девою прекрасной притворившийся!

Молчат рыцари, пробираются сквозь чащу мрачную, отдаляясь от Камелота славного, разгульного. Угрюм и дик лес Броселиандский.

И не выдержал Говен, сводный брат короля Артура, разговор начал мессир Говен, сын Лота Оркнейского. Разговор неторопливый, негромкий в чаще угрюмой леса Броселиандского, на узкой тропе, что не дает покоя коням иглами шиповника колючего.

– Сударь, – зазвучало слово тихое в чаще дремучей, – давно не был я в этих краях. Много дней провел я в поисках государыни нашей Геньевры, Мелеагантом похищенной, и давно не проезжал этой тропой.

И, встрепенувшись, молвил мессир Ивэйн, отводя взгляд настороженный от густого терновника:

– Да, сударь. Увы, не вас избрал Господь спасителем ее, а Ланселота Озерного.

Как гулко звучат голоса под темным пологом сосен!

Ожились рыцари, и потянулся разговор неторопливый, и незаметна стала тишина угрюмая, и все ближе источник под соснами и замок Лодины златовласой.

Улыбка теплая легла на уста мессира Говена отважного, и спросил он, гриву конскую поглаживая:

– Как поживает Люнетта моя милая, помнит ли меня или другой сердцем ее завладел?

– Ждет вас Люнетта ваша темноволосая, верна она слову данному. Дружна она с госпожой, и светло в замке от дружбы этой.

Не иссякает разговор, течет, как струя неспешная из-под камня тяжелого. И хоть одиночество и не помеха рыцарю отважному, а все-таки веселей вдвоем на тропе лесной.

Трещат ветви сухие в стороне от тропы, ломится кто-то сквозь чащу дремучую. На мечах лежат руки рыцарей, и к бою готовы мечи, мечи острые и тяжелые. Кто знает – кабан ли то или дикий бык идет по лесу угрюмому, или же великан свирепый спешит к тропе лесной, топот конский услышав.

Все темнее в лесу Броселиандском, все тревожнее, и невольно копье ищут руки сильные, и быстрее бьются сердца отважные, и зорче в чащу лесную вглядываются рыцари. Не из трусливых мессир Говен, не раз сражался он в битвах страшных, не раз насмерть бился с великанами чудовищными, не раз чары снимал с замков заклятых, но крепко сжал копье рыцарь храбрый и быстрее коня пустил по тропе лесной.

Тихо в лесу, как перед бурей ужасной.

– Сударь, как там лев ваш, спасенный вами от змея огнедышащего? – молвил негромко мессир Говен.

– Надежно замок охраняет лев мой храбрый. Спокоен я в дальних краях, ибо даст он достойный отпор всякому, кто к замку приблизится и станет водой поливать камень у источника, чтобы бурю вызвать свирепую.

Сгущается темнота угрюмая, застыли деревья в безмолвии, и молчанию склепа подобно это безмолвие. Давит тишина недобрая, и умолкли два рыцаря на тропе узкой, что ведет сквозь лес Броселиандский. Не решаются рыцари храбрые опять тишину нарушить, беду накликают звуками голоса. Глядит мессир Ивэйн на мессира Говена взглядом пристальным, словно хочет сказать ему что-то, но молчит, лишь сжимает крепче бока конские ногами сильными. Прислушивается к чему-то чутко мессир Ивэйн, ждет чего-то...

Ох, не к добру тишина зловещая! И птица не крикнет, и зверь не промчится с треском в чаще лесной, и солнца не видно за деревьями молчаливыми. И хочется вскачь пустить коней, да жутко вспугнуть тишину заклятую.

И – прорвалась тишина! Деревья дрогнули, колыхнулся воздух застывший – и донесся издали рокот нарастающий. Ближе, ближе... Пронесся рокот, гул загадочный за деревьями и стих вдали, словно в глубину речную ушел. Словно прорычал грозно великан ужасный и смолк, затаился, добычу выслеживая.

И молвил встревоженно мессир Говен, сын Лота Оркнейского:

– Сударь, что это?

Вздыхнул мессир Ивэйн, сын Уриена, наклонил голову, ответил негромко:

– Вперед, сударь! Только не трогайте меч, копье оставьте в покое, ибо не помогут они.

Как орел могучий взвился в седле мессир Говен, быстро поднял вверх меч тяжелый.

– Опасность, сударь? Страшны ли нам сатанаилы мерзкие, дьяволом порожденные, страшны ли великаны ужасные? С нами Господь наш! Кто может победить нас, двух рыцарей могучих? В бой, сударь!

И вздохнул опять мессир Ивэйн, еще ниже голову наклонил сын Уриена.

– Все напрасно, сударь. Не рождала еще земля чудищ подобных. Не слыхивал я о таких ни в замках многочисленных, ни от паломников, что в землях святых бывали и знают многое. Встретил, сударь, я чудище невиданное, охотясь на оленей в лесу этом, на этой тропе, когда странствовали вы в поисках государыни. Появилась вдруг за деревьями дорога твердая, широкая, очам на удивление, и мчалось по ней чудище круглоглазое, мчалось, как ураган и ревело свирепое, и кричало пронзительно...

– Дальше, сударь!

– Бросился я на сатанаила ужасного, как и подобает рыцарю храброму, но умчалась нечисть некрещеная и пропала бесследно. Не догнать ее коням нашим. И молчал я о том, не желая попасть на язык Кею насмешливому, посмешищем стать при дворе Артуровом.

И воскликнул мессир Говен, славный сын Лота Оркнейского:

– В бой, сударь! Страшней ли нехристь эта Мабонагрена и Арпина Нагорного!

Опустил забрало рыцарь храбрый и без раздумий и колебаний бросился вперед по тропинке узкой, вонзив шпоры в бока конские. И снова донесся издали рокот нарастающий. И рванулся вперед без раздумий и колебаний мессир Ивэйн, храбрый сын короля Уриена.

С треском кустарник пронзил мессир Говен и вылетел на дорогу широкую, невиданную, шире улиц Камелота славного. И мчался по дороге той диковинной сатанаил мерзкий, тварь злобная, некрещеная, мчался бешено, ревел устрашающе. Дрогнул мессир Говен на мгновение, осадил коня захрапевшего, испуганного, но тут же твердой стала рука его и приготовил он к бою копье свое славное.

Завизжало пронзительно ада исчадие, тьмы ночной порождение, увидав копье рыцарское, побоялось в бой вступить с храбрым рыцарем чудище злобное. Обогнула тварь мерзкая мессира Говена, славного сына Лота Оркнейского, умчалась за поворот по дороге широкой, невиданной.

И воскликнул, копьем потрясая, пораженный мессир Говен:

– Много видел я карликов злобных, змеев огненных, нехристей страшных, уродливых, но впервые зрят глаза мои чудище подобное! В Откровении Иоанновом место ему, ада исчадию! В погоню, сударь!

Как вихрь устремились за поворот рыцари храбрые, обнажив мечи, что не раз врагов страшных, могучих в битвах разили кровопролитных. Устремились вперед рыцари храбрые, пригнулись к гривам коней, к бою готовясь. Но взвились на дыбы кони верные, ржанием звонким огласили жуткий лес, и дороги не было рыцарям – встали впереди деревья угрюмые, встали плотной стеной, и исчезла дорога диковинная, невиданная, поросла кустарником диким, заты-

нулась мхом и шиповником. Обернулись рыцари и перекрестились истово, отводя заклятие зловещее. В глубине леса были они, леса дикого Броселиандского, и вилась в лесу лишь тропа узкая, что тянулась из Камелота славного в лесную глушь, в замок Лодины златовласой.

И вернулись на тропу эту рыцари храбрые, и молились Господу, лица подняв к небу угрюмому, и тихо было в лесу, в лесу диком, лесу Броселианд.

И промолвил мессир Говен, сжимая копье:

– Уклонился от боя сатанаил мерзкий, ада исчадие! И не встать на пути – собьет и умчится, нехристь поганая!

– Не попасть бы нам, сударь, на язык Кею насмешливому.

– Да, сударь, молчать надо, как зачарованным. Но мы еще встретим это ада исчадие! Не уйдет тварь мерзкая!

Потряс мессир Говен копьем тяжелым, кивнул согласно мессир Ивэйн, и продолжили путь рыцари Артуровы.

И добрались рыцари храбрые в сумерках наступающих до источника с ледяной водой. Миновали рыцари часовенку старинную и свернули к замку недалекому, замку Лодины златовласой, вдовы Эскладоса Рыжего, что побежден был Рыцарем со львом в честном бою.

Молчали дорогой рыцари, погруженные в думы свои, лишь один раз молвил тихо мессир Говен:

– Проще намного с замков снимать заклятие.

И мессир Ивэйн наклонил голову, соглашаясь с сыном храбрым Лота Оркнейского.

* * *

– Что за дьявольщина! Опять этот тип прется, как баран! Чтоб ему сквозь землю провалиться, мерзавцу!

– Однако реакция у тебя, приятель! Как это ты успел вывернуть руль? И давно здесь съемки?

– Какие съемки! Пару недель назад такой же выскочил, и с копьем наперевес прямо на меня. Я сигналю, а он прет себе, хоть бы хны! Ну, я по тормозам, руль влево – и ходу! Потом думаю: «Дай-ка вернусь!» Сам понимаешь, любопытство – никуда не денешься. Развернулся и назад, а жутковато почему-то. Вышел – лес как лес, и следов конских нет, а того типа и подавно! Что за чертовщина? А вообще – место странное. Иногда шпаришь за сотню, видимость отличная – и вдруг ка-ак гроыхнет, и пошло: молнии, ветрище... Жуть! И сразу стихает, как отрежет. Там дальше какие-то развалины каменные у ручья.

– Ага... Развалины. Как ты гово... Стоп! Ведь это же Броселиандский лес! Ну да... Если облить водой камень... Камень там есть, у ручья?

– Что ты там бормочешь?

– Камень, говорю, есть у ручья?

– Вроде бы есть. А что?

– Да так, ничего. Пришла в голову одна сказочка средневековая. Помнишь, у Кретьена де Труа в «Рыцаре со львом»: возьми ковш с водой из источника, облей камень – и вмиг начнется буря? Что-то в этом роде. Появляется хозяин замка и начинается драка.

– А-а, все вы, писатели! Какой лев?! У меня аж руки дрожат... А если бы сбил этого болвана? Докажи потом, что он сам бросился!

– А в лесу этом тебе не приходилось гулять?

– Сколько угодно! Я же говорю: лес как лес. Реденький, горел не раз. Там дорога есть, плохая, правда. Приходилось ездить, детей забирать у тетюшки. В Камелоте.

– Где-где?

– В Камелоте. Деревушка такая. Десяток дворов и гостиница. Тетушка там живет, тетушка Геньевра. Невзрачная такая деревушка, смотреть не на что. Тьфу, руки дрожат из-за этого шута горохового! Вот заявить в полицию, и пусть разбираются, что за псих дурачится среди бела дня! Да только говорить стыдно – засмеют! Съемки... Какого ж дьявола он под колеса кидается? По сценарию? Нет, что-то здесь нечисто... Тоже мне дракона нашел, потягаться захотелось!

– Съемки... В диком лесу Броселианд. Тетушка в Камелоте... Тетушка Геньевра... Знаешь, у меня идея. Слушай: «Семь дней и семь ночей прошло после Троицы, и путь теперь лежал назад, в старый замок Эскладоса Рыжего...»

– Рассказик очередной кропать собираешься?

– Семь дней и семь ночей мечи звенели, семь дней и семь ночей кони храпели в Камелоте славном, городе Артуровом...

– О! Ты еще и тетушку мою сюда приплети. Для достоверности. Ох, ну попадись мне опять тот шут гороховый!

* * *

Вишневый блестящий автомобиль вынырнул из леса и сбросил скорость перед заправочной станцией, а мессир Ивэйн и мессир Говен, славные рыцари Артуровы, натянули поводья у ворот замка Лодины златовласой, вдовы Эскладоса Рыжего, что побежден был Рыцарем со львом в честном бою. Семь дней и семь ночей прошло после Троицы.

«...натянули поводья у ворот замка Лодины златовласой, вдовы Эскладоса Рыжего, что побежден был Рыцарем со львом в честном бою. Семь дней и семь ночей прошло после Троицы», – написал он и поставил точку.

1979

Летящая звезда

Утро было очень неуютным. Небо серело беспросветно и безнадежно, влажный ветер морщил коричневые пятна луж, а редкий лесок на холме казался блеклой картиной, намалеванной кистью бездарного художника. Была обычная пасмурная погода. Была осень. Дождь превел бессонную ночь и превратил проселочную дорогу в две бесконечные цепочки луж. Между лужами расползлась коричневая жижа, и идти можно было только по самой обочине, покрытой жухлой травой.

Он так и делал. Он шел осенним пасмурным утром, поеживаясь от ветра, то и дело оскальзываясь и въезжая сапогами в коричневую жижу, шел, бросая рассеянные взгляды на лесок, похожий на бездарную картину.

Он шел без определенной цели. Он был в отпуске. Попрощался с сослуживцами, переночевал в своей холостяцкой городской квартире, а утром сел за руль и приехал сюда. Почему сюда? Да потому, наверное, что давным-давно, лет двенадцать назад, в студенческие времена, он в этих краях принимал, как принято говорить, участие в сельхозработах. Стояла такая же пасмурная осень, шли дожди, только был он тогда не один, а было их пятеро ребят и пятеро девчонок, и вечерами, возвратившись с картофельного поля и наспех перекусив, они бродили по сельской местности и пели под гитару или танцевали в невзрачном клубе, такие неуклюжие в сапогах и телогрейках... Он снял комнату у той же бабки Шуры, которой когда-то колол дрова и носил воду, и она, конечно, его не узнала. Ведь время большой мастер играть в перемены.

По утрам он бродил по окрестным дорогам, уходил в пасмурный лес, медленно пересекал голые поля, разбухшие от долгих дождей. Машину он не трогал – она оставалась стоять у калитки, ведущей в бабкин огород, уныло глядя мокрыми фарами на потемневшие жерди.

Однажды он набрел на покосившийся сарайчик, и с удовольствием полежал на прелом сене. Когда-то он уже был в этом или очень похожем на этот сарае и так же лежал, заложив руки за голову, а по крыше постукивал дождь.

Еще ему нравилось ходить по дороге, которая взбиралась на холм у окраины села. На вершине холма, окруженная невысокими березами, упиралась в небо тонкая колокольня. Внутри колокольни было тихо и немного торжественно. За колокольней, среди низких колючих кустов, вкривь и вкось торчали из земли серые гранитные плиты и кое-где чернели ветхие кресты. А дальше, за холмом, тянулись голые поля, и серая полоса леса сливалась с серым небом.

Неухоженность какая-то сквозила в этом пейзаже. Неустроенность. Возможно, именно поэтому он и приехал сюда дождливой осенью.

Он свернул с обочины и углубился в поле, с трудом выдирая подошвы из вязкой земли. Вдали хрипло зарокотал трактор, и хрип этот простуженным эхом вернулся от недалекого леса. Он шел и вспоминал, как тогда, двенадцать лет назад, таким же тракторным хрипом они напугали лису, и рыжий комочек метнулся к лесу, а они свистели вслед, подпрыгивая в громяющем прицепе. И вспоминал он лося, что на мгновение вышел из-за растопыренных елей и сразу отпрянул, растворился в темных волнах деревьев, ошеломленный гулом картофелеуборочных комбайнов. А картошка все ползла и ползла по бесконечной ленте транспортера, скользкая от налипшей земли, и гул катился над полем торжественным маршем.

Он неторопливо растянулся на сене в глубине *своего* сарая и заложил руки за голову. Травинки щекотали шею, но он не шевелился. Лежал, рассматривая просветы в ветхой крыше и слушал хриплый рокот трактора.

Хриплый рокот... Хрип усилителей, хриловатый голос певца. На свободном от столиков пространстве в разноцветных лучах танцуют пары. А напротив, очень близко и далеко, отделенное от него бесконечностью крохотного столика, – ее лицо. Она смотрит мимо него в огромное окно, упершись ладонью в подбородок, и в ее глазах клубится июльский вечер.

Он разглядывал просветы в крыше и привычно перебирал обрывки воспоминаний. В общем-то, обычных, рядовых воспоминаний.

Танцы и гул голосов – и вот уже тихая улица с традиционными фонарями. И, конечно, он немного пронес ее на руках. А потом, у самого ее дома, далекие глаза стали на мгновение близкими – и все. Он всмотрелся в эти глаза, поскукнел и сказал: «Спокойной ночи». И ушел, ни разу не обернувшись.

Черт возьми, неужели прошло время Аэлит?! Где тот голос, что, задыхаясь, зовет сквозь пространство и соединяет миры, и вселяет надежду? Где то лицо, непостижимое и ускользающее, безмятежное и страстное, где та *неповторимость*, о которой мечталось ночами?

«Ты что, намерен ждать Бегущую по волнам?» Это однажды, внезапно. Вопрос друга. И не всегда первым уходил он. Случалось, уходили от него – скрывались за поворотом, исчезали в троллейбусе, в уличной суете, в подъездах многоэтажных домов, за витринами универмагов. Но не было Аэлиты. Не было Бегущей по волнам.

А еще у него замирало сердце от такого названия: «Летящая звезда Барнарда». Объяснить он себе этого никогда не пытался, да и нужны ли тут объяснения? Он не искал никаких связей между собой и тремя этими словами, не создавал никаких образов, – а сердце все-таки непонятно замирало, как замирало оно при виде склоненной головы Юдифи в Эрмитаже. В мире сколько угодно необъяснимых вещей, и все попытки препарировать их по законам логики столь же неуместны, сколь неуместно и даже жестоко выяснять, как могла проспать сто лет красавица, уколовшаяся о веретено, или какие компоненты входили в состав напитка, что стугбил Изольду и Тристана.

Итак, неустроенность. Не изводил он себя, конечно, никчемными раздумьями, не терзался и не собирался играть незавидную роль героя блеклой трагедии, не более похожей на жизнь, чем лубочные картинки с известными лебедем и Ледой. Так, неуютно иногда становилось под вечер, когда ложился на стены комнаты свет городских огней. Может быть, и похожи были эти огни на звезды, но как ни всматривался он в их узоры – не находил там Летящей звезды Барнарда, от названия которой щемило сердце. Или не было там такой звезды, или не мог он ее разыскать.

Да, проходили годы, но Летящая звезда Барнарда еще ни разу не заглянула в его окно.

Он встал и вышел под мелкий дождь, подняв воротник плаща.

Хорошо было просто ни о чем не думать. Просто бродить по дорогам, просто гулять по лесу, просто сидеть на бревне, прислонившись спиной к заборчику и разглядывать кур, копающихся в грязи. Хорошо еще было зайти вечером в тот самый невзрачный клуб, сесть в уголке и смотреть, как танцуют под неожиданно новенькую, с полированными боками радиолу.

Навсегда затерялась в марсианских пустынях Аэлита, в сонных водах океана исчезла Бегущая по волнам, угасла Летящая звезда Барнарда, и прекрасная Юдифь равнодушно попирала голову врага. Все было понятно и совершенно определено – и все-таки, черт возьми, неужели прошло время Аэлит?!

Он вновь вышел к дороге и, поколебавшись, направился назад, к дому.

...До самого вечера он колот дрова, весело и бездумно взмахивая топором, потом поужинал с немногословной бабкой Шурой и лег спать. За окном еле слышно нашептывал вечерние сказки мелкий дождь, из клуба доносилась музыка и негромко стучал будильник на столе.

Когда он проснулся ночью, дождь и музыка уже стихли, и только будильник торопливо отсчитывал время, отсчитывал машинально и размеренно, непонятно для кого и зачем. Он сидел, обхватив колени руками, сидел в полной темноте и продолжал любоваться прекрасным лицом. Потом лицо исчезло, и он понял, что оно приснилось ему. И поняв это, он вспомнил сон, вернее, не сон, а тот его обрывок, который только и в состоянии удержать память – ведь все остальное обязательно забывается при пробуждении.

Обрывок сна был отчетлив и ясен. Ему только что снилось прекрасное женское лицо, похожее на лицо Юдифи, каким изобразил его великий Джорджоне. Он вспомнил слова, которые шепнула Юдифь.

«Я – Летящая звезда Барнарда».

Он сидел в темноте и грустно улыбался. Он знал, что она могла произнести и другое имя. Аэлита. Или Бегущая по волнам. Во сне ведь все возможно. Во сне мы приобщаемся к лоскуткам какой-то иной реальности, которая только в них и способна проявить себя, чтобы исчезнуть утром. Он грустно улыбался и смотрел в темноту.

Утро оказалось таким же серым, как и предыдущее, оно медленно вползло в комнату, вытеснив темноту, и небо еще плотнее прижалось к земле, словно стремясь растворить ее в своей серости. Он попрощался с бабкой Шурой и открыл дверцу автомобиля. Мотор радостно взревел, потом закурлыкал тихо и удовлетворенно.

Он уезжал без сожаления.

Он смотрел только на дорогу, на коричневую жижу, которую расталкивали колеса его «москвича». Он больше не хотел видеть далекую полосу леса, не хотел видеть неуютные голые поля и заляпанные грязью колхозные грузовики. Правда, впереди не ждало ничего обнадеживающего, но город есть город: он сразу одурманит наркотом своих улиц и кинотеатров, опутает сетями телефонных звонков, привяжет к себе тысячами глаз, заморозит случайной встречей в трамвае, когда лицом к лицу в тесноте на задней площадке и некуда деться, утопит в безмятежных сумерках, расцвеченных огнями реклам. Город предложит себя как лекарство, пусть чуточку горькое, но верное. Город есть город, хотя иногда от него приходится убегать.

Трясая проселочная дорога доползла наконец до шоссе. Он выехал на мокрый асфальт и с облегчением прибавил скорость.

И тут же убедился, что поспешил. Потому что прямо перед разогнавшимся автомобилем стояла та самая, похожая на Юдифь, какой она была в представлении великого итальянца, та самая, что прошептала ночью несколько удивительных слов.

Он успел затормозить и резко вывернуть руль. Машина заскользила к обочине, нырнула в кювет. Он больно ударился грудью и на несколько мгновений потерял сознание.

Когда он открыл глаза, та, что называла себя Летящей звездой, неподвижно стояла на пустынной дороге в позе Юдифи: голова слегка склонена к плечу, глаза опущены к мокрому асфальту.

Он вышел под дождь и огляделся. Поля, поля, пустынное шоссе и низкие тучи. И она. Стояла в позе Юдифи в белом одеянии, скрывающем фигуру, и только лицо отчетливо выделялось в белом облаке, таком странном в сером свете пугливого утра.

В груди болело. Он уперся руками в мокрый вишневый капот.

– Ну и что?

Он не ждал ответа – ведь Летящие звезды не разговаривают с людьми.

– Я ищу Эльзору, – ответила она. Ответила, словно пропела три слова из неведомой песни.

– Зачем?

Он с сожалением подумал, что сейчас она исчезнет, и придется ехать дальше, к надежному наркоту города.

– Я очень давно ищу Эльзору, – зазвучала печальная музыка, складываясь в сознании в слова. – Очень давно. Все должны найти Эльзору. Где она?

– Эльзора... Наверное, там же, где Эльдорадо. Даже названия похожи.

– Не понимаю... Не понимаю, – пело белое облако с ошеломляюще человеческим лицом. – Я сбилась с пути и очень давно ищу Эльзору. Где она?

Он подумал с тоской, внезапно резанувшей по сердцу, что задремал за рулем, и надо как можно быстрее затормозить. Пока не случилась беда...

– Я не знаю, – устало ответил он.

А облако пело и пело о долгих скитаниях, о холоде космоса и теплом дыхании далеких планет. О том, как тяжело и грустно искать, искать непрерывно и долго, искать и не находить. О том, что нужно искать. Что нужно, обязательно нужно найти, найти, найти...

Он слушал и думал, что когда-то она уже была здесь и пела великому итальянцу о неведомой Эльзоре, и тот тоже не смог ничего ответить.

Голос пел о безмерных пространствах и временах, о безднах бездонных и пустынной пустоте – и летели, летели в серое утро красные лепестки, порхали из белого облака, падали на асфальт и таяли...

Найти, найти, найти... Найти, преодолев бездонные бездны и пустынную пустоту. Найти.

Лепесток упал возле него. Он вздохнул и спросил, бросил в серое утро безнадежные слова, остро ощущая всю неисчерпаемую их безнадежность, нагнулся и поднял лепесток:

– Ты – Летящая звезда?

Он спросил, и поднял лепесток, и на миг отвел глаза от той, что являлась когда-то Джорджоне.

Потом еще раз обвел взглядом поля и тихое шоссе и вновь вздохнул. На дороге не было никого, а пальцы сжимали обыкновенную травинку.

Было серое пустынное небо, было мокрое пустынное шоссе, и была невзрачная травинка, выросшая здесь одним забытым весенним утром.

– Ты – Летящая звезда? – шепнул он и прислушался.

С неба деловито сеял обычный дождь – и он открыл дверцу, чтобы продолжить путь.

Марсианские пески погребли Аэлиту, в морских глубинах покоилась Бегущая по волнам и не было в бесконечном небе никакой Летящей звезды...

И все-таки он обернулся напоследок. Обернулся – и замер. У ног его тлело в мокрой траве красное пламя.

...Он очень долго не сводил глаз с лепестка, боясь, что угаснет огонь, потом подставил лицо под дождь и улыбнулся серому небу.

1980

Тот, кто бродит в ночи

Та ночь была душной, и не летали птицы ночные, не рычали звери лесные, и молчал уставший от жары лес. Давно уснуло селение, окруженное чащей лесной. Разметались на шкурах мужчины-охотники, обнажили грудь женщины, задыхаясь от духоты. Сонали, бормотали во сне старики, всхлипывали дети.

И от костра, горевшего посреди селения, еще темнее становилась душная ночь. Прыгали отблески огня по лицам двух молодых воинов, что сидели у сторожевого костра с копьями в руках, охраняя селение от зверей лесных. Темноволосы и мускулисты были воины, висели на шее у них ожерелья из клыков убитых ими зверей, а одежда их была из шкур звериных, умело сшитых женскими руками. Молоды и отважны были воины, и не боялись они никаких опасностей. Умели они и огонь добыть, и поразить копьем дикого зверя, и хижину построить, и сплясать веселый танец у костра в дни, угодные богам.

Сидели молодые воины у костра, прислушивались. Тихо было в лесу, и трепетали неяркие звезды в глубине темного неба – это Добрый Дух Маа тысячами глаз ласково смотрел на землю, сотворенную им вместе с другими Духами себе на утешение.

Сидели у костра молодые воины, думали каждый о своем. Один вспоминал последнюю удачную охоту и стычку с чужаками у лесной реки, когда поразило чужака его крепкое копье и упал тот с громким воплем в воду под высокий обрыв. Другой то и дело поворачивал голову от костра и смотрел в темноту, на стоящую неподалеку хижину. Спала в той хижине, обнажив тело в духоте, прекрасная черноволосая девушка – и быстрее вздымалась мускулистая грудь молодого воина, когда представлял он нежное тело девушки, одиноко спящей на шкурах.

Но помнили воины о том, что охраняют селение. Мигом вскочили они и замерли, потому что будто бы легкое шуршание донеслось от хижин, и словно бы черная тень, чернее душной ночи, скользнула к деревьям и растаяла.

Долго стояли воины, сжимая копья, прислушиваясь, но все было тихо кругом. Может быть, просто старик заворочался во сне, может быть, птица ночная тенью метнулась к лесу? Наверное, только почудился шорох молодым воинам, только привиделась черная тень – ни один зверь лесной не мог прокрасться так тихо, ни один зверь лесной не мог умчаться черной тенью, не выдав себя треском ветвей, шумным дыханием. Может быть, то Дух ночной пролетал, убегаая от встречи с рассветом? Или пригрезилась тень в тишине ночной, в духоте, в молчании леса обессиленном?

Вновь сели у костра молодые воины, подбросили сучьев побольше, и веселее затрещал костер. И шевельнулась, отступила темнота, пробежал над землей ветерок. Рассвет уже близился.

Побледнело небо, и всплыли хижины из мрака ночного, и запели птицы в лесу, и проснулось селение. Ночь прошла и новый день наступил, и нестрашными стали Духи ночные, и скрылись они с рассветом в глазах Доброго Духа Маа. Ожило селение, потянулись к костру женщины набирать тлеющие угли, чтобы развести костры у своих хижин, приготовить пищу мужчинам-охотникам. Собрались у костра Мудрейшие, повели речь о делах, предстоящих на этот день.

И тут подняла руки черноволосая девушка и долго говорила, и голос ее дрожал, и бледным было лицо от пережитого страха. Слушали ее женщины, широко раскрыв глаза, молча подходили мужчины. Прервали совет Мудрейшие, и только дети беззаботно играли у хижин.

Этой ночью не спалось черноволосой девушке. Тихо лежала она, наблюдая, как пляшут на стенах хижины отблески костра. Ни звука не раздавалось в ночи – и вдруг заглянул в хижину зверь с желтыми глазами, что слабо светились в темноте. Замерла от ужаса красавица, ни пошевелиться не смела, ни крикнуть. А зверь стоял тихо и неподвижно, и не слышно было его

дыхания, и не пахло смрадом от морды его, не пахло дремучей чащобой от шерсти его. Стоял Желтоглазый Зверь, словно бесплотный Дух – а потом вдруг бесшумно исчез, пропал, как сон ночной.

Замолчала девушка – и все повернулись к двум молодым воинам, охранявшим ночью селение. И поведали молодые воины, как слышали что-то вроде шороха и видели что-то вроде тени, и был это, наверное, Дух ночной, убежавший от рассвета.

И тогда, трясая седой головой, кривя беззубый рот, обратилась к Мудрейшим дряхлая старуха.

И ей не спалось душной ночью, и в ее хижину заглядывал Желтоглазый Зверь, неслышный, как Дух ночной. Но не испугалась старуха, потому что это, верно, вестника Смерти послал за ней Добрый Дух Маа, и суждено ей сегодня умереть, не дождавшись заката. Спокойна была старуха, не было страха в ее бесцветных глазах. Много уже дней и ночей прошло со времен ее молодости и, видно, Добрый Дух Маа послал ей весточку о том, что ждут ее звездные его глаза.

Горько заплакала юная красавица, закрыв руками лицо – и дрогнуло сердце молодого воина. Жди беды, если вестник Смерти заглядывает ночью в хижину молодой девушки!

И повернулись все к Мудрейшим.

Долго молчали почтенные старцы, неторопливо поглаживали длинные бороды, потом встали и направились к Священной Хижине. И все пошли за ними, только дети беззаботно играли у хижин.

В полумраке Священной Хижины тлел костер, стояли вдоль стен многочисленные боги, вырезанные из древесных стволов еще тогда, когда ни Мудрейших, ни их отцов и дедов не было на свете. Неподвижно стояли деревянные боги, задумчиво смотрели на тлеющие угли глазами-дырами. Спокойны были их плоские лица, никогда не открывались щели-рты. Много богов стояло в Священной Хижине, только Доброго Духа Маа не было в ней, потому что беспрельдно звездное небо и не спрятать его в тесной хижине.

Мужчины подбросили ветви в костер и взметнулось жаркое пламя. Кинули Мудрейшие в огонь мясо звериное, собрали с земли возле деревянных богов пучки священных трав, что можно срывать в лесной глуши только после заката. Положили душистые травы на дымящееся мясо, пошептали заклинания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.